

АССАСИН
Выжить в системе

Кассиан Норвейн

Кассиан Норвейн
Ассасин. Выжить в системе

«Автор»

2025

Норвейн К.

Ассасин. Выжить в системе / К. Норвейн — «Автор», 2025

Он убивал без жалости, был лучшим псом империи. Кай — идеальный ассасин, выкованный в аду Снежного государства. Проданный в детстве, лишённый чувств, он стал оружием в руках принца... пока тот не предал его. Боги дали ему перерождение — в теле знатного юноши в стране вечного лета. Он помнит свое прошлое и желает лучшего будущего. Это история о любви, способной растопить лёд в сердце убийцы... и переписать судьбу мира.

© Норвейн К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кассиан Норвейн

Ассасин. Выжить в системе

Пролог

– Я не могу просто уйти. Я хочу знать что случилось.

Я молчал. Потому что ответить было невозможно. Ветер прошелестел в листве, и с ветки упал сухой лепесток жасмина, коснувшись воды. Я смотрел, как он плывёт, и сказал тихо, почти себе:

– Если узнаешь – пожалеешь.

Она сделала шаг – медленный, словно в воду, где каждый взмах руки отдаётся кругами. Её ладонь дрожала, когда коснулась моей груди; касание было едва ощутимым. Сердце, которое я до этого старательно отпускал в пустоту, отозвалось резким ударом, как молот по стеклу.

На миг всё зависло: мир стал тонкой пластинкой, готовой треснуть от первого неверного жеста. В её взгляде читалась просьба – не требование, а молитва, и она звучала так просто, что хотелось ответить.

Она приблизилась ещё. Тепло её дыхания ударило в лицо – жасмин, пыль и то странное, живое ощущение, которого мне так не хватало. Неожиданно для самого себя – я сделал то, чего не планировал. Не потому что разум приказывал, а потому что тело вспыхнуло, старый стальной рефлекс предал хладнокровие: я наклонился и поцеловал её.

Не робко. Страстно – как тот, кто знает вкус запрета и пьёт его до дна. Поцелуй был резким и горячим: губы сжались, дыхание смешалось, мир вокруг зашумел, и всё, чему я когда-то учился – контроль, холод, расчет – растаяло в этом неожиданном жаре. Её ладони впились в мои плечи; она ответила – сначала растерянно, затем всё ближе, и казалось, что никакая стена, никакое прошлое не в силах разлучить нас в этот миг.

Это было мгновение, в котором мир мог бы повернуться иначе. Но прошло оно так быстро, как вспышка молнии. Я оторвался, держа её за запястье, и в тот же миг в голосе моём появилась та хрупкая, неуместная искра, от которой я всегда пытался бежать.

– Нам лучше держаться друг от друга подальше, – прошептал я, губы ещё дрожали от контакта, но в словах звучала сталь. – Для твоей же безопасности.

Её глаза – большие, влажные, растерянные – искали ответ на лице. Я видел в её взгляде вопрос, и в нём – надежду. Надежду, которую мне было больно убивать.

Я отпустил её руку. Она попыталась шагнуть ближе, но я уже отступал. Что-то внутри взбилось, как оживший клинок; старый шрам в виске вдруг заскреб, и воздух вокруг содрогнулся.

Лёгкое движение – почти инстинкт – и ветер в саду изменился. Он не пришёл со стороны; он родился в этом самом месте, из тонкого напряжения между нами. Тени на дорожке разошлись, словно тонкая бумага; листья затрепетали, и на миг цветы задрожали, отдавая аромат в другую тональность. Я почувствовал, как внутри вспыхнула холодная сила – не боевая, не яростная, а древняя и властная: сила, которую я привёз из Храма, или та, что Храм оставил во мне.

Я не хотел этого фокуса; я лишь знал, что должен уйти.

– Пожалуйста, – прошептал я. – Не ищи меня.

Она хотела возразить, что не отпустит, что будет ждать, что мир теперь иной, что прошлое можно переделать. Но вокруг нас воздух стал вязким, будто вода, и слова застряли в её горле.

Амелия шагнула ближе – один короткий шаг, почти мольба. Глаза блестели, дыхание дрожало.

Я поднял руку. Между пальцами задержался свет – золотой, скользкий, как пыль в жарком воздухе. На миг показалось, что сам день сжался, готовясь исчезнуть.

– Прощай, Амелия, – произнёс я.

Глава 1

— Вы звали меня? Ваше высочество, — произнёс я, склонив голову перед принцем. Чёрный плащ скользнул по каменным плитам, скрывая моё оружие и силуэт.

Зал пустынен и мрачен, впрочем, как всегда. Огромные колонны из чёрного базальта тянулись к потолку, утыканному стальными шипами. За окнами бушевала снежная буря, её вой проникал внутрь, смешиваясь с треском факелов. Каждый вдох в этом холоде превращался в белый пар. На возвышении красовался трон – словно вырезанный из куска ночи. Серебряные инкрустации мерцали в огне факелов, а осколки льда сияли, будто глаза мёртвых.

На этом троне восседал он – принц **Вальдис**, второй принц снежной империи Мюрель и первый наследник в очереди. Его мантия из алого бархата, расшитая серебром, резко выделялась на фоне мрака. На пальцах поблёскивали тяжёлые кольца, в руке он держал кубок из чёрного стекла, и казалось, что в его лице плещется сама ночь.

Я остановился у подножия. Вальдис смотрел на меня так, словно заранее наслаждался чужой участью. Уголок его губ дрогнул.

– Ты был хорошим псом, — произнёс он, и в его голосе сквозила ледяная насмешка. — Но пришло время прощаться.

– Что? — я поднял голову, не веря в услышанное.

Вальдис поднялся с трона. Тени дрогнули, когда его лицо осветили факелы. Длинные чёрные волосы скользнули по алым плечам мантии, чёрные, как сама ночь, глаза застыли на мне. В них не было ни искры жалости – только бездонная пустота.

Он сошёл с каменных ступеней и медленно пошёл ко мне. Его шаги гулко отдавались в мрачном зале, будто удары молота по гробовой плите.

Я опустился на колени, чувствуя, как с каждой секундой холод становился тяжелее. Вальдис остановился рядом и наклонился чуть ближе, так что я видел, как пламя факела отражается в его глазах, делая их похожими на два чёрных омута.

– Даже самые верные собаки, — его голос зашипел, словно ледяной ветер, — однажды кусают руку хозяина.

Вальдис протянул руку и грубо взял меня за подбородок, заставив поднять голову. Факелы выхватили из мрака мои черты. Чёрные короткие волосы, едва касающиеся висков. Лицо без единого выражения, будто высеченное из камня. Взгляд – холодный и равнодушный, глаза пустые, как замёрзшее озеро, под которым давно нет жизни. Ни дрожи в губах, ни страха, ни мольбы.

Я знал – именно таким он и хотел меня видеть. Оружием, у которого нет души.

Его пальцы сжались сильнее, серебряное кольцо больно впилось в кожу. На губах Вальдиса появилась едва заметная улыбка.

– Вот он... идеальный пёс, — прошептал он, рассматривая меня, как коллекционер рассматривает трофей. — И всё же... слишком острые зубы.

Вальдис медлил с движениями, но я успел разглядеть лезвие – знакомое до боли. Он вытащил его из-за моего пояса так легко, будто отнимает игрушку у ребёнка. Это был тот самый легендарный кинжал, которым я убивал тех, кто вставал на пути Мюреля: узкое, холодное лезвие, покрытое тонкой гравировкой в виде голубого кинжала, пронзающего гору – символ нашего дома смерти. Я знал его ход ещё прежде, чем он двинулся.

– Ты можешь быть угрозой для меня в будущем, – произнес он ровно, будто декламирует приговор.

Движение было мгновенным – резкий, продуманный удар. Лезвие вошло в тело с той же безжалостной точностью, с которой я когда-то вонзал его в сердце другого. Жар и лед одно-

временно – кровь разлилась горячей лентой по моим внутренностям, но на лице по-прежнему не появилось выражения.

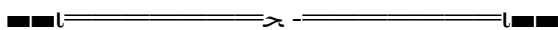
– За что? – выдавил я сквозь зубы, будто спрашивал не о месте удара, а о причине, за что именно меня лишают жизни. Слова – крошечные, бессильные. Я слышал собственный голос, и он казался чужим.

Вальдис лишь усмехнулся – коротко, как оскал. Его смех был беззвучен для кого-то ещё, но в моих ушах он звенел как лёд. Он не дал ответа.

Я рухнул на каменный пол. Холод плит пронзил плечо, кровь стекала по руке и капала на базальт, образуя тёмные звёзды на мёртвой поверхности. Снежная буря за окнами усилила свой вой, и казалось, что сама стена вздохнула, приветствуя окончание очередной жизни.

В этой последней ясности, сквозь туман боли, просочились другие чувства. Предательство, столь знакомое мне по жизни, но теперь направленное на того, кто держал поводок. И – вина. Перед матерью. Я видел её лицо на мгновение: усталые глаза, руки, что шили одежду в ночи, чтобы прокормить меня. Я чувствовал, как под тонкой коркой равнодушия где-то глубоко зреет сожаление: я не стал тем, кем она могла бы гордиться.

О, ну да, это я. Как я докатился до жизни такой? Что ж, погнажи.

Меня зовут Кай, лучший ассасин Мюрель и верный пес принца.

Я родился в снежной империи Мюрель, под столицей Армалия – ледяном царстве, где зима длится почти круглый год, а солнце появляется на небосводе лишь один месяц. С самого рождения мир учил меня выживанию. Сила была важнее жалости, хитрость – ценнее честности, а смерть – частью жизни, с которой приходилось считаться ежедневно.

Мои родители... они не знали любви, точнее отец. Я появился на свет в бедной семье, где счастье было редким гостем, а голод и холод – постоянными соседями. Мы жили в крошечной хижине на окраине Армалии, в домишке, где стены трещали от морозов, а сквозняки вырывали тепло даже из-под старых одеял.

Отец был суровым человеком, и я никогда не слышал от него тёплого слова. Днём он работал на каменоломнях, таскал глыбы льда и камня, возвращался с треснутыми руками и усталым, злым взглядом. Но даже заработанного никогда не хватало. Чаще всего деньги исчезали в трактирах. Горькая настойка стала его другом и врагом одновременно. Пару раз в неделю он приходил домой с мутными глазами и тяжёлым дыханием, а слова его становились колкими, как ледяные ножи.

Долги росли, словно снег, что сыплется без конца. Сначала он занимал у соседей, потом у ростовщиков. Монеты, которые он приносил в дом, всегда уходили мимо семьи – в пустые бутылки и чужие руки. Я видел, как его всё глубже затягивает эта яма, но ничего не мог сделать.

Мать... Она была совсем иной. Слабая, измождённая болезнью, но её руки всегда находили силы, чтобы поправить мне волосы или накрыть плечи старым одеялом. Она кашляла ночами, иногда так сильно, что я думал – каждое дыхание станет для неё последним. Глаза её были усталыми, но в них теплилось что-то, чего я больше никогда не встречал – надежда. Она шептала мне слова о добре, о том, что даже в этом мире есть свет. Я не понимал тогда, как это возможно.

Её смерть пришла тихо, как зимняя вьюга, когда мне было пять. Утром я нашёл её неподвижной, с тонкой улыбкой на губах, словно она ушла в мир, где больше нет боли и голода. Для меня же наступила пустота, которую никто не смог заполнить.

Когда мне исполнилось шесть, отец продал меня. Он не колебался. Продавая собственного ребёнка, он даже не обернулся. Я видел лишь холодный блеск его глаз и довольную ухмылку, когда мои крики растворились в ледяном ветре.

Меня забрал принц Вальдис. Его «Проект Теней» был легендой среди детей Мюреля – шёпот, которым пугали даже упрямых мальчишек на улицах Армалии. Считалось, что туда берут лучших, чтобы сделать их сильнее. На самом же деле нас превращали в оружие. В живые клинки.

Меня привели в замок, но не в сияющие залы, где гуляла знать, и не в покои, где горели канделябры. Мой путь закончился в подвале. Там, за тяжёлыми дверями, мы жили – десятки таких же детей. Каменные стены сочились сыростью, от пола тянуло холодом, а из потолка иногда капала вода, кап-кап, будто отсчитывала минуты нашей жалкой жизни. Кормёжка была раз в день – кусок чёрного хлеба, иногда похлёбка, больше похожая на мутную воду.

Наставники... нет, скорее надсмотрщики, приходили каждое утро. Их не интересовали наши имена – только наша выносливость и послушание. Они били нас, если мы вставали медленнее, чем нужно. Они били нас, если мы делали шаг не в ногу. Иногда они били просто так, чтобы напомнить, что мы – никто. Их любимым инструментом были магические клинки. Лезвие касалось кожи и оставляло ожог или глубокую царапину, но не убивало. Каждый такой удар жёг сильнее, чем огонь.

Я помню первый день тренировки. Нас выстроили в ряды в огромном зале из чёрного базальта. Факелы горели, но тепло не ощущалось. Капли с потолка капали на пол, и этот звук был громче, чем наше дыхание. Мы дрожали не от страха, а от холода, но наставники видели в этом только слабость. Они заставляли нас бежать по кругу до тех пор, пока ноги не подгибались, и, если кто-то падал – его поднимали ударами плётки.

Цель была одна: научить нас не бояться боли. Чтобы мы не кричали, когда кость ломается, не дрожали, когда кожа трескается от мороза, не жалели ни себя, ни других. Нас ломали, как диких зверей, пока в глазах не оставалась пустота.

Я быстро понял, что проявление эмоций – слабость. Плач, страх, жалость – всё это убивает быстрее, чем клинок. Я научился глотать боль, подавлять страх, вырабатывать холодное равнодушие. Моё тело стало инструментом, а разум – безразличным.

К десяти годам я уже умел таять в тени так, будто меня там и не было. Тело привыкло к тьме – шаг стал бесшумным, дыхание ровным, глаза научились выхватывать движение в полумраке. Я крался по коридорам подвалов и кухонь, пробирался по стальным решёткам и запасным ходам, видел то, что было скрыто от большинства: как слуги поспешно меняют свечи, как охранники щурятся от ветра у ворот, где снег беспощадно залепляет лицо, как в зале иногда появляется фигура в мантии. Я считал каждое движение, записывал в голове ритм шагов, форму плеч, наклон головы – всё это становилось картой, по которой можно было пройти не раз и не два.

К двенадцати я уже тренировал руку на крысах и птицах – мелких существах, где каждая миллисекунда решала, выдержит ли живая ткань удар. Я учился считать паузу между вдохом и движением, учился видеть не лицо, а линию наступления боли. Но даже в этой холодной механике я хранил одну странную, почти детскую привязанность: воспоминание о том дне, когда впервые увидел Вальдуса.

Это было издалека – через узкую щель в одной из служебных комнат, когда сонные факелы лишь мерцали, и снег за окнами сиял как дробленое стекло. Он прошёл по коридору дворца, высокий, в красной мантии, и на мгновение весь мир вокруг затих. Я увидел не просто принца; я увидел власть – ту самую, к которой всё моё обучение обязывало стремиться. В его походке было спокойствие, в взгляде – ледяной расчёт, и в той же секунде я понял, что хочу быть тем, кто может стоять рядом. Как оружие, которому он позволит говорить.

Это желание было нелогичным. Я был ребёнком, закалённым и уже слишком умелым для своего возраста; я знал, что говорящий с принцем – редкость, что к нему не подходят. И тем не менее – впервые в жизни мне захотелось не лишь выжить или убить, а заслужить общения. Я мечтал о слове одобрения, о крошечной искре признания, которую можно было бы спрятать

глубоко под слоем камня в груди. Именно та редкая, почти бессмысленная мечта – суметь поговорить с Вальдисом лицом к лицу – стала первым странным мотивом в том механическом сердце, которое учили лишь убивать.

Эта мечта не согревала, но придавала цель. Она дала мне осознанность: если я буду точнее, тише, если стану полезнее, может быть, однажды не придётся стоять в тени – может быть, я подойду ближе. Я тренировался не только ради выживания; я тренировался ради того, чтобы перестать быть просто инструментом и, возможно, однажды произнести слово в присутствии власти. Время показало, чем обернётся эта надежда, но тогда она была моей единственной слабостью – тихой, едва заметной трещиной в ледяной броне.

В четырнадцать лет наставники дали мне первое задание, которое уничтожило всё, что осталось от детской сути – тихо убить собственного отца. Слова прозвучали ровно, безо всякой эмоции, как инструктаж к чистке оружия. Я не раздумывал. Ночь была моим покрывалом; я вернулся в дом, где родился, скользнул по скрипучим доскам, прошёл мимо того угла, где когда-то спала мать, и увидел его – загнанного, уставшего, с мутными глазами от выпивки и долгов.

Он и не понял, что это я, пока не было уже поздно. Я действовал тихо, как всегда: шаг за шагом, дыхание ровное, кинжал в руке – продолжение мысли. Под покровом тьмы я приблизился, провёл лезвием по горлу – быстро, бесшумно. Кровь не была зрелищем; для меня это был расчёт и завершение задачи. Отец упал, и в мире снова воцарилась тёмная привычная тишь.

Я стоял над ним и не чувствовал триумфа. Было лишь холодное, пустое удовлетворение точностью – та же удовлетворённость, что и при тысячах других удачных ударов. В ту ночь я похоронил не только его: похоронил частичку того, кем ещё можно было быть.

Когда наставники, наконец, признали мой талант, это было не торжество – это было тихое, смиренное признание, как признание смерти. Они смотрели на меня иначе: уже не как на ребёнка, не как на объект для испытаний, а как на инструмент, прошедший закалку. Один из старших наставников, шрам на щеке которого казался картой старых битв, чуть кивнул мне в коридоре – знак, которого мне хватило. Я знал: теперь моё имя попало в список тех, о ком говорят всерьёз.

Меня вызвали во дворец. Не в подвал, не в тренировочный зал, а в ту часть, где ходят господа. По коридорам я шёл так же тихо, как и всегда, но внутри что-то дернулось – не от страха, нет; от простой, почти детской надежды: наконец-то сказать слово властителю. Я помнил ту щель в служебной комнате, когда впервые увидел Вальдису. Теперь путь был короче, и цель – ближе.

Тронный зал снова встретил меня ледяным дыханием. Вальдис сидел высоко, как прежде, его алый бархат горел на фоне мрака, а глаза, чёрные как омут, следили за каждым моим шагом. Я остановился у подножия, опустил голову, но в глубине груди было странное ощущение – не покорность, а ожидание разговора.

Он заговорил первым, как будто читая подпись на моём лице.

– Ты вырос, – сказал он ровно. – Идеальное оружие, – добавил он почти без интонации, и в его словах не было тепла.

Я поднял глаза и впервые говорил с ним не в своих мыслях, а лицом к лицу. Слова шли короткими ударами, как и полагалось мне:

– Ваше высочество... – голос ровный, без дрожи. – Я хотел бы служить вам... лично.

Его губы чуть дрогнули – не потому, что он был тронут, а потому что идея меня радовала или, скорее, интриговала. Он наклонился вперед, и когда промолвил, каждый звук казался приговором и наградой сразу.

– Я видел, как ты скрываешься, – его взгляд пробежал по моему лицу, словно считывая швы. – Такой талант и хладнокровие нельзя оставлять без внимания.

Он встал. Слуги отступили, факелы зашевелились от прошедшего воздуха. Он вынул из-под мантии небольшой знак – тонкую пластину из закалённого металла, на которой был выгравирован наш символ: голубой кинжал, пронзающий гору. Это был не просто знак почёта – это был знак власти.

– Отныне ты – Командир Теней, – произнёс он. – Будешь моими глазами и руками в темноте.

Слова ложились на меня тяжёлым металлом. В тот момент я испытал не восторг, а странную пустоту – как будто получил желаемое, но цена его стала ясна ещё до получения. Я добился права говорить с принцем; я стоял перед ним и слышал признание моей полезности. Быть ближе к власти означало быть дальше от человечности.

Вальдис прикрепил знак к моей груди так легко, словно делал это сотни раз. Холод металла впился в плоть, и я почувствовал, как вокруг меня образуется новая тень – не та, в которой я прятался раньше, а тень ответственности и ожиданий.

– Помни, – добавил он тихо, – преданность пса ценится выше жалости.

Я кивнул. Слова его сливались с шорохом факелов и с постоянным воем бури за стенами. Я получил то, о чём тайно мечтал: разговор, признание, место рядом с тронном. Но вместе с этим пришло и понимание: я стал тем, кому доверяют убрать лишних – и тем, от кого рано или поздно захотят избавиться.

Всё, чему я научился, всё, что я сделал, всё это превратило меня в машину для убийств. Эмоции? Я их выкинул. Жалость? Я её уничтожил. Человечность? Я её спрятал так глубоко, что сам иногда забывал, что она когда-то существовала.

Моё последнее задание для Вальдиса было... особенно тяжёлым.

Её звали Ламисия – эльфийка из соседней страны, дочь влиятельного дома. Серебристо-фиолетовые волосы мягко ложились на плечи, а глаза, прозрачные, как утренний лёд, отражали свет, которого здесь почти не было. Она была словно свет среди вечного льда Мюреля, мягкая, утончённая, живая – и именно эта красота делала её пленение особенно жестоким.

Вальдис похитил её и держал в дворце. Каждый день он требовал выйти за него замуж, пытаясь сломить её волю. Но Ламисия была горда и решительна. Её сопротивление лишь раздрадило принца, а для меня это было... просто очередной целью.

Я получил приказ: вернуть её под контроль или убить. Она пыталась бежать. Скользила по длинным ледяным коридорам дворца, исчезая и появляясь вновь, оставляя за собой шёпот надежды и страха. Я шёл за ней тихо, словно тень, предугадывая каждый её шаг.

Наконец я догнал её в одном из залов, где холодный свет луны пробивался сквозь высокое окно, обрамлённое инеем. Пол был усеян осколками льда, её тень дрожала на стене. Ламисия подняла глаза – полные ужаса, но всё ещё полные решимости.

– Пожалуйста... – её голос дрожал, как трепетная свеча на ветру, – отпустите меня...

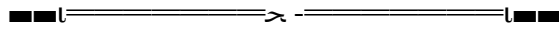
Я не ответил. Мой кинжал уже был в руке. Наблюдая за каждым её движением, я выбрал момент. Она прыгнула, надеясь скрыться в тени, но я был быстрее. Лезвие вошло в грудную клетку.

Её дыхание сжалось в один короткий, хриплый вздох, и мир замер. Ни крика, ни слёз – только тихая тишина. Моя рука оставалась спокойной, лицо без эмоций. Работа была выполнена.

Когда я вернулся к Вальдису с её телом, он лишь кивнул, оценивая созданный им инструмент. Но в его взгляде сквозила тревога: я становился слишком умелым, слишком независимым.

Стоя над телом Ламисии, я впервые ощутил что-то странное: не жалость и не горе, а пустоту, холоднее любого мороза Мюреля. Я был создан для убийств, инструментом, и эта работа окончательно сделала меня самым опасным ассасином страны – холодным, безжалостным, лишённым даже тени человечности.

Теперь, вернемся к настоящему времени.

Холод плит пронизывал тело, словно ледяные стрелы, пробегая по спине и плечам. Кровь растекалась по чёрному базальту, оставляя тёмные, почти незаметные пятна на фоне серого инея. Каждое движение отдавалось болью, но боль была не главной – она лишь подчёркивала пустоту, что росла внутри.

Я смотрел на этот пол, холодный и неприветливый, и в нём отражались все мои годы: детство, проданное отцом, смерть матери, бесконечные тренировки, первые убийства, десятки человеческих жизней, что я забрал без единого сожаления. Всё это казалось бессмысленным, как капли дождя, скатывающиеся с ледяной крыши и исчезающие в снегу.

Моя жизнь была цепью заданий, холодной машиной убийств, и даже победы не согревали душу. Я сжал кулаки, чувствуя, как холод ползёт внутрь, смешиваясь с отчаянием. Ничемная жизнь. Каждое мгновение, каждый вздох, каждая капля крови – всё было ради чужих амбиций, ради чужой власти, а не ради меня.

Я наконец понял, что был создан, чтобы убивать, но никогда не жил. Никогда не был человеком.

Перед глазами появилось странное окно. Светилось оно как магический экран, но ни один заклинатель Мюреля не мог бы сотворить подобного. Прямоугольник из прозрачного голубоватого света всплыл перед лицом, слова внутри горели мягким, но не естественным сиянием:

[СИСТЕМА ПЕРЕРОЖДЕНИЯ АКТИВИРОВАНА]

[Бог Хаоса дарует вам второй шанс.]

[Принять / Отклонить]

Я моргнул несколько раз, пытаюсь понять: это галлюцинация умирающего? Лезвие всё ещё жгло, тело горело ледяной болью, но глаза цеплялись за сияющее окно, словно за единственную реальность. В голове рождалась мысль, которая звучала почти шепотом: «Второй шанс... для меня?»

Тихо произнёс, еле слышно:

– Принять.

Мир вокруг потускнел. Каменные плиты, треск факелов, вой снежной бури, хохот безумного принца – всё растаяло в белом световом потоке.

Глава 2

Что за шум?.. Голоса звучали глухо, будто я лежал под толстым слоем снега. Я различал только интонации, слова утекали, цеплялись друг за друга и снова тонули в тишине.

Неужели даже умирающему не дают покоя?.. Хоть бы потише.

– Госпожа, он так похож на вас, — раздался мягкий, дрожащий от умиления женский голос.

– Ты права, Мель. Такой чудный малыш принесёт радость нашей семье, — ответила другая, более спокойная, но наполненная теплом и гордостью.

Семье?.. Малыш?.. Что за нелепица?

Я попытался вдохнуть глубже, и лёгкие будто обожгло свежим воздухом. Не холодным, как в зале смерти, а тёплым, пахнущим чем-то сладким, пряным. Мир вокруг был не серым, не тёмным – в нём звенела жизнь.

Я открыл глаза. Свет ударил резко, непривычно, словно нож, и только спустя мгновение различил очертания. Два лица нависали надо мной. Женщины. Улыбающиеся. Их глаза сияли, губы шептали что-то нежное. Я хотел оттолкнуть их, подняться, заговорить... но тело не слушалось. Вместо этого мои руки беспомощно дёрнулись вверх. Я увидел собственную ладонь. Крошечную. Розовую. Нелепую.

Внутри всё сжалось. Это... не моё тело.

Женщина, та, что смотрела на меня с мягкой улыбкой, осторожно подняла на руки и прижала к груди. Её белоснежные волосы щекотали щёку, пахли жасмином и молоком. Я слышал её сердце – ровное, уверенное, живое. Оно билось рядом с моим крохотным, слабым сердцем.

– Он будет сильным, — сказала она тихо, словно обещание самому небу. — Сын рода Солнечных Роз... принесёт свет и славу нашему дому.

Сын... рода? Империя Солнечных Роз? Что за проклятье?

Я лежал в её руках, как чужая вещь, заключённый в это маленькое тело. Не оружие. Не Командир Теней. Не ассасин. Просто – младенец.

Моргнул несколько раз, привыкая к яркому свету, и впервые смог различить черты той, что держала меня на руках. Она была прекрасна. Не в том холодном, безжалостном смысле, в котором я привык видеть женщин при дворе Мюреля – украшенных, но мёртвых внутри. Нет. Здесь сияла сама жизнь.

Белоснежные волосы падали на плечи гладкими, прямыми прядями, струились, словно лучи лунного света, касаясь моей щёки. Они были длинными и шелковистыми, и в их блеске не было ни единой тени. Я невольно хотел протянуть к ним руку, но мои крошечные пальцы лишь слабо дрогнули в воздухе.

Глаза... я никогда не видел таких глаз. Жёлтые, глубокие, они светились, как расплавленное золото, словно в них отразилось само солнце. В этих глазах не было холода, жестокости или равнодушия. Только тепло и радость, в которых я утонул, как в море, не в силах отвести взгляд.

Тонкие черты лица, спокойные, величественные, будто выточенные из мрамора, но в то же время мягкие и живые. На её губах играла лёгкая улыбка, а кожа казалась почти прозрачной – светлой, как утренний свет в Империи.

Я ловил каждую деталь. Словно пытался убедить себя, что всё это – не сон, не иллюзия. Но её руки были слишком тёплыми. Её дыхание – слишком живым.

Значит, я переродился, впервые за долгие годы, а может, за обе мои жизни, я ощутил странное, хрупкое чувство. Оно жгло изнутри, заставляя сердце сжиматься, – и это было не страх и не ненависть. Это была нежность, обращённая ко мне.

Я отвёл взгляд от матери и замер на секунду, рассматривая ту, что говорила с нежностью – Мель.

Она была моложе матери, но уже несла в себе признаки зрелости, которых не ожидал увидеть у служанки. Светлые волосы собирались в аккуратный хвост, а несколько прядей выбились, обрамляя лицо и играя с лучами света. В отличие от сияющей белоснежной красоты матери, Мель была яркой и живой в ином смысле: её глаза – зелёные, глубокие, как весенние леса, – искрились любопытством и жизнерадостностью.

Черты лица более простые, обыденные, но выразительные: высокий лоб, прямой нос, чуть румяные щеки. В её улыбке было что-то дерзкое, будто она знала, что жизнь непроста, но умеет находить в ней радость. Взгляд Мель ловил меня не с той трепетной нежностью, что исходила от матери, а с лёгкой озорной теплой заботой.

Я невольно сравнил их. Белоснежная мать – солнечный свет, тихий, величавый, согревающий и почти непостижимый; Мель – зелёная искра жизни, дерзкая и подвижная, но с такой же мягкой добротой.

– Скоро придёт герцог, – тихо сказала мать, поправляя меня на руках. Её взгляд был сосредоточенным, почти тревожным, но голос оставался мягким, как шелест зимнего снега. – Нам нужно, чтобы всё было готово.

Мель кивнула, но в её глазах мелькнула привычная игривость:

– Не волнуйтесь, госпожа. Я уже разложила вещи, убрала комнату и даже помогла на кухне. Всё будет идеально.

– И всё же, – мать опустила взгляд, глядя мои крошечные ручки, – он не любит сюрпризы. Если герцог увидит беспорядок или что-то не на месте...

– Он увидит только вас и малыша, – Мель усмехнулась. – А остальное неважно. Главное, чтобы вы выглядели... – она помолчала, словно выбирая слова, – естественно.

– Естественно... – мать вздохнула и кивнула. – Да, ты права. Но я боюсь, Мель.

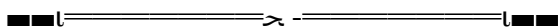
Мель положила руку мне на голову, чуть наклоняясь ближе.

– Не бойтесь, госпожа. Мы справимся.

Не могу поверить своим ушам. Герцог, семья, богатство, уважение – всё это теперь вокруг меня. Я не мог даже пошевелиться, настолько немым было удивление, словно мой разум не успевал осознать реальность.

– Хорошо, – сказала мать наконец.

Я снова посмотрел на Мель – её уверенность, спокойствие и привычная хитринка казались мне чем-то недостижимым... и всё это на фоне моего тихого шока от того, что я переродился в семье герцога.

Прошло несколько дней. Я не знаю точно – трое или четверо. В этом нелепом теле время ощущается иначе: часы растягиваются в вязкие капли, дни сливаются в один поток. Но я уже успел изучить место, где оказался.

Комната, что теперь зовётся моей, поражала богатством. Высокие окна, затянутые лёгкими занавесями цвета молочного золота, пропускали в помещение мягкий свет. Потолок был расписан замысловатым узором – цветы, солнце, витиеватые линии, чуждые мне, привыкшему к чёрным сводам Мюреля. На полу – ворсовый ковёр, настолько мягкий на вид, что пальцы ног утопали бы в нём, словно в мху. Мебель из красного дерева, зеркала в резных рамах, постель, в которой я тону, как в облаках. Всё – слишком яркое, слишком живое, слишком далёкое от того каменного ада, где я провёл прошлую жизнь.

Меня бы стошнило от этого сияния, если бы не одно: я видел здесь слабости. Окна – выходят на сад, но их можно открыть с внутренней стороны. Балкон – слишком близко к смеж-

ным покоем, можно перелезть. Даже дверь – массивная, но петли скрипят. Я мысленно отмечал каждую деталь, словно готовил побег. Старые привычки не умирают.

Я привык к точному контролю: шаг – тише дыхания, удар – как молния, взгляд – холодный и выверенный. Теперь же я застрял в теле существа, которому нужны помощь и забота. Но главным врагом было не окружение. А моё тело. Крошечное. Беспомощное. Лапы младенца вместо нормальных рук. Стоит попытаться пошевелиться – и я выгляжу нелепо, как насекомое на спине. Голос – жалкий писк. Даже дышать приходилось иначе: лёгкие казались слишком малы, сердце билось быстро.

Это бесило.

Каждый раз, когда мать склонялась надо мной и гладила по щеке, я чувствовал, как внутри сжимается что-то неприятное. Тепло... невыносимо. Я не знал, что с ним делать. Принять? Оттолкнуть? Убить я мог бы кого угодно, но вот с этим я справиться не могу.

Они считают меня ребёнком. Они не знают, что в этих глазах – десятки убийств, сотни ночей, прожитых в крови и холоде. Они думают, что я сплю, когда улыбаются надо мной. Но я наблюдаю, слушаю и изучаю. И уже понял главное. Здесь нет вечной зимы, воздух тёплый и сладкий. Солнце светит каждый день, и люди улыбаются чаще, чем плачут. Это не Мюрель. Здесь другие правила.

Сегодня впервые я покину свою золотую клетку. Мать подняла меня на руки – лёгкое прикосновение, тёплое, бережное. Я всё ещё не привык к этому теплу. Оно обволакивает, как мягкая ткань, и каждый раз я чувствую в груди странное напряжение, будто меня снова пытаются заставить поверить в то, что мир может быть добрым. Но я молчу. Что тут еще скажешь, когда единственное, что может выдавить это тело – писк.

Мы вышли из комнаты. Коридор встретил нас сиянием. Белый мраморный пол отражал свет, падающий из высоких окон, и казалось, будто мы идём по тонкому льду, под которым прячется солнце. По стенам – гобелены с золотыми узорами, на которых сплетаются цветы и звёзды. На потолке сверкали хрустальные люстры – тысячи капель света, замёрзших в полёте.

Слуги, стоявшие вдоль стен, склонились в низких поклонах, едва завидев мать. Их жесты были отточены, как движения солдат, но в каждом чувствовалось нечто большее – уважение, почти благоговение. И всё это внимание падало и на меня, на беспомощный свёрток у неё на руках. В прошлой жизни передо мной склонялись тоже – но там это было страхом. Здесь же... я видел почтение. Чуждое, почти неприятное.

Мы спускались ниже. Каждый пролёт лестницы открывал всё новые картины роскоши: статуи из белого камня, окна с витражами, в которых солнце разливалось алыми и золотыми узорами, ковры, мягкие, как мех зверя. Даже воздух был другим – не холодный, сухой, как в Мюреле, а наполненный ароматом цветов и пряностей.

Наконец мы дошли до главного входа на первом этаже. Я застыл внутренне. Даже в тронном зале Вальдиса, вырезанном из мрака и льда, не было такого изящества. Здесь всё сияло. Потолок уходил так высоко, что глаза терялись в светлом куполе, расписанном золотыми розами. Огромные колонны, гладкие и белые, поддерживали пространство, словно вели его к небесам. Двери – высокие, как башни, инкрустированы серебром и драгоценными камнями, на которых играли лучи света. Пол – сплошное зеркало из отполированного камня, отражавшего нас, словно мы шли по воде.

Слуги у дверей, в одинаковых алых камзолах, поклонились так низко, будто падали ниц. Мать держала меня крепче и улыбалась, будто этот мир принадлежал нам. Я, привыкший к теням, оказался в святилище света.

Двери распахнулись. Я впервые увидел этот мир.

Солнечный свет ударил в глаза, ослепил, словно лезвие. Я невольно зажмурился – слишком ярко, слишком открыто. Там, где я жил прежде, солнце было редким гостем, холодным

диском в тёмном небе, не дающим ни тепла, ни радости. Здесь же оно жгло, било в лицо, обливало всё вокруг золотом.

Перед нами раскинулся сад. Он невероятно огромен – целый мир за пределами стен. Дорожки из белого камня вели сквозь аллеи роз, тянувшихся ввысь, как живые стены. Фонтаны били кристальными струями, и вода в них сверкала, словно жидкое серебро. По траве разливался аромат – густой, сладкий, тягучий. Птицы щебетали так громко, что у меня звенело в ушах.

Я помнил холодные дворы Мюреля. Камень, вечный снег, чёрные деревья без листьев. Там красным было только одно – кровь на белом снегу. А здесь... красное было в каждой цветке, и оно не значило смерть.

Мать шла по дорожке уверенно, гордо. Прислуга позади несла корзины, в которых лежали ткани и закуски, будто это было естественно – окружать ребёнка богатством. Я видел, как на нас смотрят – с почтением, с трепетом, с радостью.

Я же чувствовал только чуждость. Этот мир был не моим. Он давил на меня яркостью, теплом, шумом. Но внутри... внутри я знал, что привыкну. Я всегда привыкал. Тень может существовать и среди роз. Нужно лишь дожждаться ночи.

Я поднял глаза на мать. Она держала меня так, будто я был её сокровищем. А в голове у меня прозвучала холодная мысль: Если этот мир захочет меня сломать, я сломаю его первым.

Шёпоты стихли, как только по дорожке появился он. Не просто «он» – герцог. Человек, вокруг которого словно тянулось пространство, укорачивая шаги и задерживая дыхание прислужников. Я видел его впервые, и каждый инстинкт, выточенный годами в тени, тотчас встал стройной линией напряжения.

Он шёл медленно, но уверенно – не торопясь, потому что торопливость чужда власти. Рост выше среднего, плечи широкие, осанка ровная, будто скульптор выточил её из мрамора по образцу древних героев. Одет просто и без вычурности: тонкая, но дорогая туника цвета жжёного янтаря, плащ, что отбрасывал на солнце благородный отблеск. Ничего лишнего – только строгая роскошь.

Но глаза – вот что меня зацепило. Они не горели, не сверкали в благодушии. В них было солнце, но застылое – как огненное ядро, холодное на ощупь. Золотистые радужки казались знаком, по которым можно было судить о характере: светлый цвет, да, но взгляд – выверенный, точный. Человека, умеющего ждать и быть в нужный момент.

Когда он приблизился, прислуга расступилась, и коридор наполнился тихим шуршанием ткани. Герцог остановился перед матерью и мной. Его лицо было приглажено миром – лёгкая морщина у глаза, едва заметная борозда на лбу – но в углах губ жил практичный юмор, не доброта, а привычка к расчету. Он наклонился, и голос его оказался ровным, но глубоким, как колодец, откуда зыбко доносились ответы.

– Моя радость явилась раньше срока, – сказал он, и в словах было столько веса, что они казались обещанием и контрактом одновременно. – Что за сокровище у нас растёт?

Мать улыбнулась так широко, будто тотчас захотела растопить вокруг себя весь мир. Она протянула руки, подавая меня герцогу. Я почувствовал, как его ладонь коснулась моей головы – не так нежно, как у матери, но с той же, холодной внимательностью, с которой человек осматривает оружие перед боем. Его пальцы были теплы, но крепки; ногти короткие, рука пахла кожей и чем-то пряным – запахом курильного жёлтого табака и масла.

Он поднял меня к лицу и всмотрелся. Глаза его пробежали по моим чертам не как по детскому лицу, а как по линии будущих черт – складкам характера, по которым можно определить склонность к лидерству или к ползучей опасности. Я ощущал это, будто он мерил меня на вес – не новорождённого, а инструмент, который со временем принесёт либо пользу, либо проблемы.

– Такой милый, – промолвил герцог, и в голосе проскользнула тонкая тревога, которую он сразу спрятал за улыбкой. – Разве сможем мы однажды отпустить его в этот жестокий мир? Ты уже дала ему имя?

– Нет, – сказала мать, и её голос дрожал от гордости.

– Кай, – гордо сказал он. – Кай Эфириус Розарин.

Слово «Кай» пронзило меня неожиданной ноткой – маленькое, чёткое. Совпадение ли это? Почему он назвал меня так же.

Герцог осторожно улыбнулся и посмотрел на меня ещё раз. В его взгляде промелькнуло то, что я уже видел у тех, кто умеет править: уважение к силе и пренебрежение к слабости. Он поднял руку и, будто случайно, коснулся моих пальцев. Хрупкое ощущение человеческой теплоты проскользнуло, и в груди что-то вздрогнуло, но я жестко удержал себя в тоне камня.

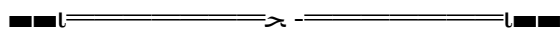
– Золотистые глаза всегда были отличием нашего дома, но глаза нашего ребенка просто невероятны, – улыбаясь продолжал он.

Герцог положил меня обратно на руки матери и, прежде чем уйти, наклонился ещё раз.

– Пусть этот малыш принесет покой нашему роду, – произнёс он почти шёпотом.

За его спиной двор наполнился жизнью снова: разговоры, тихие шаги слуг, звон посуды. Но в воздухе остался след его присутствия – как холодная струя, пересекающая тёплую воду сада.

Я наблюдал, как мать закрыла глаза от облегчения и как Мель, улыбаясь, поправила мою одежду. Для них герцог – защита и благословение. Для меня он – ещё одна фигура силы, ещё один узел, который придётся проверить на прочность.

Наконец, наступило мое шестое лето.

Тело уже не казалось тем жалким комком плоти, которое я ненавидел в первые месяцы этой новой жизни. Мышцы налились силой, движения стали точными, и в руках – наконец – можно было удержать оружие. Пусть это всего лишь тренировочные кинжалы из полированного дерева, но хватка у меня была привычная, такая, словно я никогда их и не выпускал.

Тренировочная площадка находилась в восточном саду – уединённое место, где цветущие кусты роз образовывали живые стены, скрывающие всё от посторонних глаз. Белый песок мягко пружинил под ногами, а в центре, окружённая статуями героев рода, лежала площадка для фехтования. В воздухе витал запах жасмина, перемешанный с лёгкой прохладой фонтана. Слишком красиво для тренировок... но я всё равно был благодарен, что хотя бы здесь можно дышать без удушающего лоска.

Двигался быстро – выпад, шаг в сторону, разворот корпуса, удар. Клинок рассекал воздух с глухим свистом, деревянное лезвие точно останавливалось там, где в моей голове вспыхивала цель. Ладонь сжимала рукоять крепко, будто в ней было настоящее оружие. Сердце билось ровно, дыхание я контролировал – вдыхал носом, выдыхал ртом, как учил себя ещё тогда, в той жизни.

– Великолепно, молодой господин, – раздался рядом мягкий голос дворецкого.

Я мельком бросил взгляд в сторону. Арден – старый слуга герцога, человек с выправкой бывшего воина. Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад, а лицо, покрытое сетью морщин, казалось строгим, но не жестоким. В руках он держал полотенце, готовый подать его мне в любой момент, словно я был уже взрослым воином, а не ребёнком, которому едва исполнилось шесть.

– Ваши движения... – он слегка улыбнулся, что бывало редко, – слишком точные для вашего возраста. В вас течёт настоящая кровь рода Розарин.

Я молча кивнул, снова отрабатывая удар. Слова похвалы не имели значения. Важно было, чтобы тело слушалось, чтобы оно не подвело, когда придёт момент. Старые привычки держали

меня в узде: я тренировался не ради красоты, не ради игры, как многие аристократы – а ради выживания.

Дворецкий подошёл чуть ближе, подал полотенце. Я вытер лоб – движения были слишком привычными, почти взрослые.

– Если герцог увидит, как вы работаете с оружием, он будет гордиться, – сказал Арден с теплотой в голосе.

Я сжал полотенце сильнее, чем следовало. «Гордость»... «счастье семьи»... слова, которые здесь звучали часто, но всё ещё резали по памяти. Никто в моей прошлой жизни не гордился мной. Там хвалили лишь за точность убийства, за верность приказу. Здесь же... они хотели видеть во мне наследника.

Но я не мог забыть, кем был раньше. Каждый раз, когда я чувствовал в руке рукоять кинжала, во мне вспыхивало прежнее «я».

Я сделал шаг назад, глубоко вдохнул и замер. Деревянный кинжал лёг в ладонь идеально – как продолжение руки. Передо мной, на тренировочном манекене, была нарисована мелом маленькая точка в районе горла. Цель.

Сосредоточился. Всё вокруг исчезло – сад, фонтаны, цветы. Был только я, клинок и цель. Резкий выпад. Тело скользнуло вперёд, рука пошла по дуге. Кончик кинжала вонзился в мишень точно в белый кружок. Ни миллиметра в сторону. Треск разлетевшегося дерева нарушил тишину. Я убрал руку и увидел, что удар был настолько силён и точен, что кинжал оставил в манекене глубокую щель, хотя он и был сделан из твёрдого дуба.

Я стоял неподвижно, тяжело дыша. Для меня это было естественно. В прошлой жизни я делал то же самое сотни раз, только вместо деревянных фигур были люди. Но здесь... здесь это выглядело иначе.

– ... Милорд, – раздался дрожащий голос Ардена.

Я обернулся. Дворецкий стоял неподалёку, всё ещё держа полотенце в руках. Но его взгляд изменился. Там больше не было одной лишь привычной доброты и уважения. В его глазах сквозила тень. Сначала гордость, да. Но за ней – лёгкая тревога.

Он видел, что я не просто ребёнок, играющий с оружием. Он понял: во мне есть нечто большее. Слишком отточенное, слишком холодное для шести лет.

– Молодой господин... – Арден подошёл ближе, наклонился, будто хотел заглянуть в мои глаза. – Вы... удивительны. Герцог должен это увидеть.

Я лишь молча кивнул, снова поднимая кинжал. Слова для меня ничего не значили. Важно было только одно – контроль. Контроль над телом. Контроль над силой. Контроль над собой.

Внутри я чувствовал странное удовлетворение. Не радость – её у меня давно не было. Просто тихую уверенность: я всё ещё тот, кем был. Даже в этом теле.

Я уже собирался сделать новый выпад, когда за спиной раздалась торопливые шаги.

– Молодой господин! – позвал звонкий девичий голос.

Я обернулся. На площадку, чуть запыхавшись, выбежала молодая служанка в серо-белом платье. Щёки её разгорелись, волосы выбились из аккуратной причёски – видно было, что бежала она во весь дух.

– Молодой господин, – она присела в лёгком реверансе, стараясь отдышаться, – госпожа герцогиня ждёт вас. Она приглашает вас на чаепитие.

Я слегка нахмурился. После часа тренировок я едва привык к ритму дыхания, к тяжести кинжала в руке... и теперь должен был идти сидеть за столом, улыбаться и вести себя как примерный сын.

Арден протянул мне полотенце.

– Ваше воспитание не менее важно, чем ваше мастерство, – мягко заметил он. – Потопитесь, господин. Нельзя заставлять ждать герцогиню.

Странно. В прошлой жизни за такие успехи меня бы похвалили наставники – и тут же заставили сделать ещё сотню ударов. А теперь... чай с матерью. Я молча вытер пот со лба и взглянул на манекен с глубокой щелью от удара.

– Хорошо, – коротко ответил я и направился вслед за служанкой.

Перед тем как идти в восточный сад, Арден отвёл меня в личные покои для омовения. Служанки быстро сняли с меня тренировочную одежду, и я нехотя позволил им это.

Ванна, выложенная белым мрамором, уже была наполнена тёплой водой с ароматом трав. Служанки молча и ловко вымыли меня, промыли волосы настоями, натёрли кожу маслами, пока я сидел безмолвно, глядя куда-то в пустоту. Внутри всё время звучала мысль: «В подвале, где я вырос, мы мылись ледяной водой – и то раз в месяц. А теперь вокруг роскошь, словно сон».

Закончив, они облачили меня в дорожную одежду: белая рубашка из тонкой ткани, тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой, брюки и мягкие сапожки. На шею повязали лёгкий шёлковый платок. В зеркале отражался мальчик шести лет с короткими, цвета серебра, волосами и слишком серьёзным взглядом для своего возраста.

– Юный господин, – Арден подал мне перчатки и слегка поклонился. – Теперь вы вполне готовы предстать перед госпожой. Она ждёт вас в восточном саду, в беседке для чаепитий.

Я кивнул и последовал за ним.

Когда мы вышли из поместья, меня обдало свежим воздухом. Восточный сад сиял зеленью: высокие сосны и клёны тянулись к небу, кусты жасмина источали нежный аромат, а дорожки из серого камня вели к резной деревянной беседке. Там, за тонкими занавесями, я заметил очертания матери – её белоснежные волосы отражали солнечные лучи, словно сотканые из света.

Я остановился на миг, всё ещё не до конца веря, что эта женщина зовёт меня сыном.

Мать сидела там, прямая, словно статуя, её белоснежные волосы спадали до самой поясицы, сияя в солнечных лучах. Жёлтые, словно два куска солнечного камня, глаза остановились на мне, и губы тронула мягкая улыбка.

– Кай, подойди, – её голос прозвучал тепло и властно одновременно.

Я поклонился и сел напротив, стараясь держаться сдержанно. Внутри же всё сжималось: каждый её жест, каждый взгляд казались такими далёкими от той жизни, где меня били, морили голодом и держали в подвале.

– Ты снова тренировался дольше, чем положено, – она подлила мне чаю и подала чашку собственноручно. – Арден сказал, что ты отточил новые удары. Я горжусь твоим упорством.

Я слегка кивнул, принимая чашку обеими руками.

– Я просто хочу быть достойным для нашего рода.

Она посмотрела на меня пристально, словно видела больше, чем я говорил.

– Достойным ты уже родился, – сказала она спокойно. – Но ты должен помнить: сила – это не всё. Без разума и сердца, она ведёт к гибели.

Я замолчал, опустив взгляд в янтарный чай. Сердце? Разум? В моей прошлой жизни эти слова не значили ничего. Я жил как оружие. А теперь... я всё ещё не понимал, чего от меня ждут.

Мель, стоявшая неподалёку, улыбнулась, подавая матери сладости.

– Госпожа, юный господин очень старается. Он – словно копия вас в детстве.

Мать тихо рассмеялась.

– Возможно. Но в нём есть и что-то иное... более глубокое.

Я замер, глядя на неё. Длинные белоснежные волосы, золотые глаза, мягкая улыбка – всё в ней казалось светом, которого я раньше не знал. Я потянулся чуть ближе и едва слышно прошептал:

– Я счастлив, что вы моя матушка.

Её взгляд смягчился ещё больше. Она коснулась моей щеки прохладной ладонью, и в груди разлилось тепло, от которого стало так спокойно и легко, будто весь мир исчез. Я не думал ни о тренировках, ни о будущем. Только о том, что рядом со мной есть она – самый прекрасный и дорогой человек.

Мама подняла чашку с чаем, сделала лёгкий глоток и взглянула на меня внимательно, словно собиралась поведать нечто важное.

– Кай, – начала она мягко, – ты уже подросток, и я думаю, пора рассказать тебе легенду нашего рода.

Я замер, вслушиваясь, даже дыхание затаил.

– Много веков назад, когда империя Солнечных Роз только поднималась из пепла войн, наш род был обычным. Но однажды в горах явился Хранитель Солнца – древний дух, несущий свет и пламя. Он увидел женщину с волосами белыми, как снег, и сердцем, полным отваги. Это была наша прародительница. Хранитель одарил её силой солнца, вложил в её кровь, чтобы её потомки всегда были маяком для людей в самые тёмные времена.

Я смотрел широко раскрытыми глазами, не отрываясь от её лица.

– С тех пор наш род несёт в себе этот дар, – продолжила она, её золотые глаза словно сверкнули. – Мы рождены, чтобы защищать империю. Но свет – это не только сила. Это и ответственность.

Она протянула мне кусочек сладости, и я, всё ещё под впечатлением, осторожно взял его. В груди горело чувство гордости и трепета. Мне хотелось быть достойным её слов, её рода... её самой.

– Такая удивительная история, мама, – прошептал я и впервые в жизни улыбнулся по-настоящему.

Мать посмотрела на меня, и её улыбка стала мягче. Она поднялась, откинула белые занавеси беседки и жестом подозвала Мель. Та принесла небольшую резную шкатулку из чёрного дерева, украшенную золотыми узорами в форме солнечных лучей.

Она открыла крышку и достала оттуда кулон – круглый, из светлого металла, в центре которого сверкал жёлтый камень, словно кусочек самого солнца.

– Этот амулет передаётся в нашей семье из поколения в поколение, – сказала она, держа кулон на тонкой цепочке. – Когда-то он принадлежал твоему отцу, а теперь – будет твоим. Пусть он напоминает тебе, кто ты и чья кровь течет по твоим венам.

Я не мог отвести глаз от камня – он переливался, будто в нём горел живой огонь. Мать надела кулон мне на шею, и прохладный металл коснулся кожи.

– Береги его, Кай, – её голос был строг, но тёплый. – Это не просто украшение. Это символ нашего рода и нашей чести.

Я прижал кулон ладонью, ощущая в груди странное волнение, почти трепет.

– Я никогда его не сниму, мама, – тихо пообещал я.

Она коснулась моих волос и поцеловала в лоб. В тот миг я понял, что для неё я не просто наследник рода – я её сын, её свет. И мне хотелось быть достойным этой веры.

Глава 3

Кай.

Четырнадцать лет... Я прожил в этом доме целую вечность и в то же время всё ещё чувствовал себя учеником перед лицом рода, чья история тянулась сквозь столетия. Сегодня меня вызвали в кабинет отца.

Дворецкий проводил меня до тяжёлых дубовых дверей восточного крыла, поклонился и исчез, как тень. Я остался один перед резным полотном с изображением роз и солнца. Сердце билось чаще обычного, будто предчувствовало, что за этой дверью меня ждёт не просто разговор.

Я вошёл.

Кабинет был просторным, залитым мягким светом полуденного солнца. Высокие окна с витражами пропускали лучи, которые играли на стенах, на картах и свитках, разбросанных по массивному столу. Здесь пахло воском, бумагой и пряным дымом – запахи власти, решений и тайн.

У окна стоял мой отец – герцог Альберт Фауст Розарин.

Высокий, статный, с осанкой человека, привыкшего управлять землями и людьми так же легко, как дышать. Его волосы были белоснежные, прямые, и в свете солнца они сияли, словно покрытые инеем. Это не была седина – напротив, в их чистоте чувствовалась сила, будто в этом цвете отражалось благородство и древнее величие рода.

Черты лица – резкие, словно выточенные скульптором: прямой нос, высокий лоб, твёрдый подбородок. Но в этих линиях не было суровой жестокости – только сила и достоинство. А глаза... золотые, точно отполированные янтарные камни. В них жил свет, но не мягкий и не ласковый – это было солнце полуденное, требующее силы, прямое и беспощадное к слабости. И всё же, когда он смотрел на меня, этот свет смягчался.

– Кай, – произнёс он, и голос его, глубокий и властный, вдруг окрасился теплом. – Сын мой, ты уже вырос и пора дебютировать в высшем обществе.

Я шагнул ближе, опустил голову в знак уважения, но внутри чувствовал, как напряжение постепенно растворяется в этом тоне – строгом, но родном.

Отец медленно прошёлся к массивному столу из красного дерева, провёл рукой по гладкой поверхности и продолжил:

– Через неделю, в день твоего рождения, в нашем поместье состоится бал. – Его взгляд задержался на мне, как будто проверяя, готов ли я услышать следующее. – Это будет не просто праздник. Это – твой первый шаг в мир, где тебя будут оценивать не как мальчика из рода Розарин, а как наследника, будущего главу.

Моё сердце замерло на мгновение. Бал. Дебют. Слова, о которых я слышал в разговорах слуг и дам у матери, но никогда не воспринимал всерьёз.

Отец сделал паузу, и в золотых глазах мелькнуло что-то большее, чем простая серьёзность.

– В этот день придёт императорская семья, – произнёс он, будто каждое слово было приговором и наградой одновременно. – Император лично пожелал увидеть наследника рода.

Я поднял голову. Даже воздух в кабинете будто стал тяжелее. Император. Символ власти и силы всей Империи. Его присутствие превращало бал в событие, равного которому не было за всю мою жизнь.

– Ты должен быть готов, сын, – сказал отец мягче, подойдя ко мне и положив руку на плечо. Его ладонь тёплая и крепкая, от неё исходила уверенность, что могла обжечь.

Я выпрямился, стараясь скрыть волнение, и встретил взгляд отца.

– Я справлюсь, отец, – произнёс я твёрдо, чувствуя, как слова обретают вес вместе с моим дыханием. – Встреча с императором не пугает меня. Наоборот... я рад возможности доказать, что достоин носить имя Розарин.

Альбери смотрел на меня несколько долгих секунд, будто оценивая не слова, а саму силу, что стояла за ними. Потом его губы дрогнули в редкой, почти незаметной улыбке.

– Хорошо, сын, – сказал он тихо, и голос его был мягче шелеста страниц старой книги. – Именно этого я и ждал от тебя.

Тяжесть ответственности никуда не исчезла, но теперь она казалась иной – не холодной ношей, а бронёй, которую я готов был носить. Ведь такая любящая семья ни за что не бросит меня в пучину опасности.

Альбери подошёл к шкафу у дальней стены кабинета. Его фигура в длинном чёрном камзоле с серебряной вышивкой казалась ещё более величественной в отблесках огня из камина. Белоснежные волосы мягко спадали, создавая контраст с суровыми чертами лица и янтарным взглядом, в котором горела несгибаемая решимость.

Он потянул на себя тяжёлую створку шкафа, достал из глубины продолговатую резную шкатулку из чёрного дерева, украшенную серебряными узорами, и поставил её на стол. После этого отец не вернулся на своё место, а встал рядом со мной, словно разделяя предстоящий момент.

– Кай Эфириус Розарин, – произнёс он низким голосом, положив руку мне на плечо. – Открой, это подарок на твой день рождения.

Я послушно наклонился и осторожно поднял крышку. Внутри, на бархатном чёрном ложе, лежали два кинжала. Их изогнутые лезвия мерцали холодным светом, будто отражая память о сотнях пролитых жизней. Рукояти обвиты узорами, а металл казался почти живым.

Сердце ёкнуло. Я знал их. Узнал в ту же секунду. Те самые клинки, которыми я убивал десятки... сотни раз. Легендарное оружие, о котором знали на всём континенте.

– Это... – слова застряли в горле. Я обернулся к отцу. – Откуда они?..

Альбери чуть прищурил глаза. Его взгляд стал глубже, серьезнее.

– Эти клинки давно принадлежали нашему роду, – сказал он твёрдо. – Но судьба забросила их далеко. Я выкупил их в Снежной Империи, где они хранились в сокровищнице самого императора, как игрушка для коллекции. Теперь они возвращены домой.

Я снова посмотрел на клинки. Холодный блеск металла отражался в моих глазах. Судьба, словно насмешливо, снова вложила в мои руки оружие, от которого я так хотел отречься... Но что? Коллекция императора? Впервые за свою жизнь здесь, задумался о том, что стало с моим настоящим телом. И, может, дворцовые крысы обглодали лицо принца Вальдиса.

Отвести взгляда от клинков было невозможно. Они словно шептали, манили своей холодной красотой и одновременно напоминали обо всех тенях прошлого. Пальцы дрогнули, но я не решился коснуться рукояти.

Альбери положил ладонь мне на плечо, его голос прозвучал твёрдо, но с оттенком отеческой мягкости:

– Кай, это не просто оружие. Эти клинки – символ силы нашего рода. Когда-то они защищали честь Розаринов, а потом были утеряны. Сегодня они возвращаются к нам.

Он сделал паузу, и в янтарных глазах отца сверкнул свет, похожий на отблеск пламени.

– Но запомни, сын мой. Ты наследник герцогского дома. С этого дня эти клинки должны служить не крови, а нашему дому, империи и будущему, которое мы вместе построим.

Слова отца звучали как клятва. Я глубоко вдохнул, чувствуя тяжесть момента. Мои губы дрогнули, и я тихо произнёс:

– Я принимаю их... и никогда не опозорю имя Розарин.

Альбери слегка кивнул, и в этот миг в его строгом лице мелькнула гордость.

Я толкнул тяжёлую дубовую дверь и вошёл в кабинет матери. Здесь всегда пахло ладаном и лёгкими цветочными маслами, а в воздухе витала тишина, которую нарушал лишь шелест пергаментов.

За резным письменным столом сидела моя мать – герцогиня Сириса Лианель Розарин. Её длинные белоснежные волосы спадали прямым каскадом на плечи и струились по креслу, словно серебряный водопад. Золотистые глаза – такие же, как у отца и мои – сияли мягким светом, в котором чувствовались и мудрость, и власть. На ней было платье глубокого изумрудного оттенка, подчёркивающее хрупкость фигуры и величие осанки.

Я поклонился и произнёс:

– Приветствую вас матушка... я хотел бы попросить вашего разрешения тайно выйти сегодня в город.

Сириса оторвала взгляд от бумаг и мягко улыбнулась. Эта улыбка всегда разоружала меня сильнее, чем любые слова наставников или похвала отца. Она слегка прищурилась, склонив голову набок, словно хотела поймать в моём голосе трещину.

– В город? – её слова звучали скорее как вызов, чем как вопрос. – Зачем?

Я выдержал паузу, будто взвешивая каждое слово.

– Я никогда там не был, – ответил спокойно, но с лёгкой тенью любопытства. – Хочу посмотреть на улицы, людей... и, может быть, прикупить что-нибудь для себя.

Сириса медленно скрестила руки на груди. Её взгляд скользнул по мне, цепляясь за мелочи, которые мог бы не заметить никто другой. Подозрение лёгкой тенью дрогнуло на её лице. Она слишком хорошо знала меня – или, по крайней мере, пыталась.

– В город значит, – протянула она. – Как будто ищешь что-то конкретное, но не хочешь сказать вслух.

Я не отвёл взгляда. Тишина повисла между нами, густая и колкая. Внутри меня пустота оставалась ровной, ледяной.

Наконец, Сириса коротко вздохнула и щёлкнула пальцами.

– Хорошо. Но не один.

Из балкона за спиной матери выступила фигура – высокая, хищно-грациозная, как пантера. Короткие фиолетовые волосы ложились острыми прядями на острые уши. Зрачки цвета застывшей лаванды блеснули при свете солнца.

– Лиадрин Сильверас, – представила её Сириса, не сводя глаз с меня. – Мой личный рыцарь. Она будет твоей тенью, пока ты в городе.

Эльфийка слегка склонила голову – без излишней почтительности, но и не дерзко. В её движениях читалась сила, дисциплина и холодная решимость.

– Я буду рядом, наследник, – её голос прозвучал низко, но ровно, без намёка на сомнение.

Я кивнул. Внутри не было ни раздражения, ни радости. Только привычная пустота. Но глубоко под ней что-то дрогнуло: предвкушение похода в город.

Через недолгие тридцать минут я уже стоял у входа в поместье. Каменные ворота казались выше обычного, будто давили сверху, удерживая меня в золотой клетке. На плечах лежал белый плащ – без гербов и знаков, лишь мягкая ткань, скрывающая волосы и одежду. Очки в серебряной оправе исказили взгляд, делая глаза чужими, безличными.

Маска. Простая, но необходимая.

К этой вылазке я готовился долго. Месяцы мелких шагов – подслушанные разговоры, случайные упоминания торговых улиц, расписание смены стражи у ворот. Даже тонкость жестов – как держать голову, как ступать, чтобы не выдать себя – всё было отточено.

Тишину двора нарушили лёгкие шаги.

Лиадрин подошла почти бесшумно, как и подобает эльфу-рыцарю. Фиолетовые пряди коротких волос блеснули в дневном свете. На ней были лёгкие доспехи, отливающие сталью и тенью, простенький черный плащ.

– Вы готовы? – спросила она без приветствий. Голос её был ровен, но в нём чувствовалась скрытая сталь: проверка, не дрогну ли я.

– Да, отправляемся прямо сейчас, – ответил я тихо, и едва заметная тень усмешки скользнула по губам.

Она всмотрелась в меня, задержав взгляд на очках, будто пытаюсь угадать, зачем наследнику скрывать лицо в городе. Но вопросов не последовало.

Лиадрин привела меня к повозке, ожидавшей у бокового входа в поместье. Деревянные борта потемнели от времени, под копытами лошадей грязь расплывалась вязкими лужами.

Она открыла дверцу, и я первым вошёл внутрь. Деревянные сиденья чуть скрипнули под весом, пахло сыростью и старыми тряпками, ну и местечко. Лишь после меня в карету скользнула Лиадрин, её движения были точны и экономны, как у хищника, привыкшего к замкнутым пространствам.

– Простенькая, зато неприметная, – заметила она, захлопывая за собой дверь.

Колёса зашкрипели, повозка тронулась. Мы покинули двор поместья.

За узким окошком тянулись каменные улицы, редкие прохожие, запахи дыма и свежего хлеба. Я смотрел на них отстранённо, будто через мутное стекло – чужой мир, в котором мне предстояло сыграть роль мальчишки-наследника.

У перекрёстка раздались выкрики торговцев.

– Пряности из самого императорского дворца Солянтара! – хриплый голос пробился сквозь шум.

– Ткани, что сияют на солнце!

Слово ударило по памяти. Столица. Сердце империи. Солнечный трон. То место, где вершится настоящая власть. Я не выдал ни тени реакции, лишь продолжил молча наблюдать за улицей. Но внутри что-то дрогнуло – не любопытство, скорее холодный расчёт.

Лиадрин сидела напротив, наблюдая внимательно, словно искала в моём лице ответ, которого я не собирался ей давать.

– Вы слишком молчаливы для юноши, который едет впервые в город, молодой господин, – произнесла она негромко.

– А ты слишком наблюдательна для рыцаря, которому велено лишь сопровождать, – парировал я, не меняя тона.

Карета мягко покачивалась, за окнами мелькали крыши, флаги и голоса уличных торговцев. Она явно чувствовала себя не на своём месте, сопровождая «юного господина» в такую вылазку.

– Господин Кай, – тихо заговорила она, скрестив руки на коленях. – Позвольте спросить... зачем вам понадобилась эта тайная поездка? Вы ведь могли бы поручить всё слугам.

Я медленно поднял глаза от кинжала, который перебирал в пальцах уже несколько минут, и посмотрел на неё. Взгляд был холодный, как сталь, такой, что у неё дыхание перехватило. Лиадрин сжалась, будто внезапно ощутила, что напротив сидит не ребёнок, а убийца с тысячью жизней на руках, и, который собирается сейчас вспороть её глотку. Несколько долгих секунд в карете царила тишина, нарушаемая лишь стуком копыт.

И всё же я не заставил её долго мучиться. Пальцы легко отпустили кинжал, и я улыбнулся – мягко, тепло, почти по-детски.

– На самом деле, я хочу купить подарки родителям, – произнёс я ровно, будто ничего необычного не сказал. – Хочу хоть как-то отплатить за их доброту.

Светлая улыбка контрастировала с тем холодом, что ещё секунду назад пронзал её до костей. Лиадрин вздрогнула и отвела глаза к окну, пряча дрожь в голосе.

– П-понимаю... господин Кай, – прошептала она.

Я устроился удобнее, глядя, как город постепенно раскрывает свои шумные улицы и площади. Внутри у меня было странное спокойствие – ощущение, будто я держу в руках весь мир.

Карета мягко замерла, деревянные колёса тихо скрипнули. Снаружи слышались далёкие крики торговцев, звон колокольчика на двери лавки и лай собаки. Лиадрин тут же поднялась, её движения были точны и натренированы, как у воина, привыкшего к скрытой службе.

Она первой распахнула дверцу, ступила на мостовую и окинула взглядом узкий переулок. Ветер шевелил край её плаща, тень ложилась на лицо, но лавандовые глаза светились настороженностью. Она прислушалась, чуть приподняла руку, словно ловила малейший шорох, и только когда убедилась, что угроза отсутствует, обернулась к карете.

– Господин Кай, всё чисто, – её голос прозвучал твёрже, чем несколько минут назад, но в нём всё ещё сквозила тень той самой дрожи. Она прижала ладонь к груди и, слегка склонившись, добавила: – Позвольте помочь вам выйти.

Я задержался на миг, вглядываясь в её лицо, и лишь затем неторопливо поднялся. Шагнув к выходу и позволив Лиадрин подать руку. Её пальцы были прохладны и чуть напряжены. Спустившись, я вдохнул полной грудью – воздух улицы был резким и живым, в нём не было затхлой тишины поместья.

– Куда желаете направиться? – коротко бросила она.

– Преклони колено, Лиадрин.

Эльфийка вздрогнула. Её, и без того большие глаза расширились, в них промелькнуло недоумение. Но приказ звучал не как детская игра, а как слово, которого невозможно слушаться. Лиадрин медленно опустилась, поставив правое колено на камень.

Она склонила голову, ожидая объяснения, но я не спешил. Я подошёл ближе, и, глядя на неё сверху вниз, произнёс тихо, почти ласково:

– Прости.

Я протянул руку и кончиками пальцев коснулся её лба. В тот же миг её тело дрогнуло, дыхание сбилось, а затем она обмякла. Её веки сомкнулись, и эльфийка потеряла сознание.

Я шагнул вперёд, подхватывая её, не позволяя упасть лицом на камень. Она была выше и тяжелее меня, но в теле, пусть и детском, скрывалась сила, которая удивила бы даже взрослых воинов. Я удержал её в объятиях, опустил аккуратно на землю, словно драгоценную статую.

На миг я задержал взгляд на её лице – спокойном теперь, будто она просто заснула. В груди кольнуло странное чувство: смешение власти и заботы, холодной решимости и неожиданной мягкости.

– Отдохни, Лиадрин, – тихо прошептал я. – Так будет лучше.

Из переулка донёсся лёгкий скрип кожи о камень. Из тьмы выступил высокий мужчина в длинном тёмном плаще, его лицо скрывала тень капюшона. Он двигался бесшумно, словно сам был частью мрака.

Я повернул голову, глядя прямо в его глаза, которые едва блеснули в темноте.

– Рейн, – произнёс я спокойно, потому что заранее знал, что он появится. – Уложи Лиадрин в карету и присмотри за ней.

– Как прикажете, мой господин, – отозвался он низким, сдержанным голосом.

Не задавая вопросов, Рейн шагнул вперёд и бережно поднял эльфийку на руки. Несмотря на его внушительные размеры и силу, движения его были удивительно мягкими – будто он переносил не женщину, а редкий сосуд из хрусталя.

Я смотрел на то, как он скрылся за дверцей кареты, и только тогда развернулся к переулку.

– Время у меня есть, – тихо сказал я самому себе, и холодная тень вновь накрыла сердце.

Жаль, что я не мог поступить иначе, чертова система. Перед глазами вспыхнуло полупрозрачное окошко, его линии дрожали в воздухе, будто написанные холодным голубым пламенем.

Задание: Избавьтесь от слежки Лиадрин.

Статус: Выполнено.

Надпись мигнула и рассыпалась в искры, сменившись новой строкой.

Новое задание: ...

Я хмыкнул, сдвигая очки на переносице. Иногда я даже забывал о том, что живу не по собственной воле, а по правилам невидимого хозяина. Кто же этот бог Хаоса и зачем заставляет выполнять эти задания? Ответа я так и не нашёл, но система напоминала о себе снова и снова.

Я сделал вдох, и в груди разлилось странное чувство – смесь раздражения и азартного предвкушения. Всё это напоминало охоту: не я выбирал цель, но каждый раз оставалось только одно – выполнить задание системы. Наказание за невыполнение было уж слишком суровым, почти невыносимым, впервые я прошел через это в десять лет и больше не хотел совершать таких ошибок.

Я медленно поднял взгляд на тёмный переулок, в котором мерцали огни таверн и слышался смех пьяниц. Хищная улыбка скользнула по губам.

– Ну что ж, посмотрим, чего ты хочешь на этот раз, – прошептал я себе под нос, шагая вперёд.

Глава 4

Пятнадцать лет назад. Снежная Империя Мюрель.

Холодный ветер завывал за окнами дворца, бросая пригоршни снега на витражи. Внутри же было тепло – от каминов, ковров и алых портьер. Но в этом тепле прятался другой холод, куда более жгучий, чем зимняя стужа.

Вальдис, юный принц Снежной Империи, продолжал хохотать. Его звонкий, но леденящий смех раскатывался по просторному залу, заставляя дрожать тени на стенах. Перед ним на мраморном полу лежало тело его пса.

На мраморном полу, распластанное, неподвижное, лежало тело Кая. Чёрные, спутанные волосы липли к лицу, в котором каждая черта была перечёркнута болью. Щёку пересекал глубокий шрам, другой – рвал уголок губ, будто сама судьба пыталась стереть улыбку с этого лица. Губы посинели, грудь не вздымалась.

– Ха-ха-ха! Ты видел себя со стороны, жалкая псина? – он говорил, будто мёртвый всё ещё слышал. – Лучший ассасин империи пал от рук хозяина! Ха-ха-ха!

Он пнул мёртвое тело сапогом, будто проверяя, не оживёт ли любимец по прихоти его жестокой игры. Но Кай, разумеется, не пошевелился.

Слуги, стоявшие по краям зала, боялись поднять взгляд. Никто не осмеливался сказать ни слова. Их молчание было гробовым, нарушаемым лишь хохотом мальчишки, в котором уже угадывалась тень будущего тирана.

Принц Вальдис вытер выступившие слёзы – не от горя, а от смеха – и произнёс:

– Как же легко ломаются эти жалкие твари... Даже сейчас... ты всё ещё смотришь на меня, мерзавец, – прошипел Вальдис, наклоняясь так близко, что почти касался лица мертвеца. – Но теперь ты – ничто.

Его губы растянулись в улыбке, которая не имела ничего общего с детской радостью. Принц вдруг выпрямился и засмеялся снова, звонко и чисто, словно мальчишка, которому подарили новую игрушку. А тело бывшего убийцы, когда-то известного в подземном мире как «К11», уже начинало остывать.

Чёрные глаза потемнели еще больше, в них вспыхнул холодный, звериный блеск.

– Хватит, – произнёс он ровно, почти шёпотом. – Мне надоело смотреть на эту падаль.

Щелчок пальцев разрезал тишину, и из тени выступил один из его ассасинов – высокий, закутанный в чёрный плащ, лицо скрыто маской. Движения его были точны и бесшумны, как у зверя, привыкшего убивать по приказу.

Принц даже не взглянул на него, указывая на тело ногой:

– Отруби ему голову. Забальзамируй. Я хочу, чтобы она украшала мою коллекцию.

Слуги вдоль стен задрожали, несколько женщин едва не вскрикнули, но подавили звук, прижимая руки к губам. Ассасин не задавал вопросов. Он склонился над телом, его руки привычно скользнули к поясу, и холодный металл блеснул в отблесках факелов.

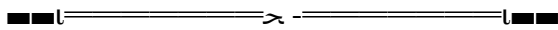
– И клинки... – добавил Вальдис, резко обернувшись. Его лицо исказила кривая улыбка, в которой не осталось детской игривости. – Эти изогнутые красавцы. Заберите их и отправьте в императорскую сокровищницу. Пусть отец знает: сын умеет добывать игрушки.

Ассасин молча кивнул. Лёгкий звук стали – и тишина зала прорезалась шорохом работы. Голова, некогда державшая холодный и расчётливый взгляд, вскоре будет заключена в сосуд со смолами и маслами.

Принц Вальдис повернулся к окну. Его силуэт в свете луны был странно хрупким и одновременно пугающим.

– Вот так, пёс, – сказал он тихо, будто мёртвый мог слышать. – Даже после смерти ты будешь смотреть на меня. Вечно.

И снова в зале раздался его смех – но теперь он звучал глухо, сдавленно, как хохот безумца.

Континент содрогался под его шагами. Каждое чудовище, появлявшееся на его пути, становилось лишь новым испытанием для его амбиций. Он сражался не ради славы – его движения были рассчитаны, холодны и смертельно точны.

В одной из битв на рассвете, в горах Снежной Империи, на него обрушились гигантские ледяные големы. Их массивные кулаки сотрясали землю, снег и камни взлетали в воздух. Но Вальдис двигался между ними, словно тень, парируя удары коротким кинжалом в левой руке и длинным мечом в правой. Металл искрился, отражая первый свет солнца, а каждый раз, когда он ударял, тело голема разлеталось на обломки.

В другой раз в тёмных лесах на юге континента он встретил стаю гигантских звероподобных существ – с острыми клыками и глазами, светящимися красным пламенем. Вальдис не тратил ни секунды на страх. Он прыгал между деревьями, уворачиваясь от смертельных прыжков, нанося точные удары кинжалом и мечом. Его движения были одновременно грациозны и убийственны, каждый выпад отрезал конечность, каждый удар заставлял зверя задыхаться в агонии.

Особенно ужасными были его ночные схватки. Вальдис нападал на чудовищ, скрываясь в тенях, и его противники даже не понимали, откуда приходит смерть. Он использовал острые кинжалы, забранные у Кая, словно продолжая древнюю традицию: клинки с мрачной историей, о которых шептался весь континент, снова проливали кровь.

Каждая битва закаляла его. Он не останавливался, не жалел врагов, и с каждой победой его хладнокровие становилось всё сильнее, а жестокость – всё ярче. Люди, которые видели его в этих схватках, позже говорили, что Вальдис сражался не как человек, а как сама смерть, которая с улыбкой вырывает жизнь из своих жертв.

После двух лет таких походов Вальдис вернулся во дворец не просто как победитель – он вернулся как новый порядок на континенте, где его имя стало синонимом власти, страха и решимости.

– Скажи же, сын мой, – произнёс император с тяжестью во взгляде, – чего ты желаешь в награду за все свои победы?

Вальдис расхохотался, смех его был злой, раскатистый, напоминал раскат грома над пустынной равниной.

– Моей наградой... – произнёс он, и его глаза блеснули ледяным светом, – будет твоя голова и трон!

Император обмяк, поражённый. Его глаза, привыкшие видеть интриги и войны, едва уловили масштаб дерзости.

– Ты... безумец, – выдавил он, голос дрожал, хотя пытался сохранить величие. – Ты не можешь...

– А почему нет? – перебил Вальдис, шагнув вперёд. Его пальцы сжались в кулаки, сила и воля отлучались от него так, что стены зала будто напряглись. – Я победил всех монстров на этом континенте. Я доказал, что моя власть – не игра, а закон!

И, прежде чем император успел опомниться, зал заполнился ассасинами, которые хлынули из скрытых коридоров, окружая старого правителя.

– Государственный переворот завершён, – произнёс Вальдис, садясь на трон с той же дерзостью, что и в день, когда приказал забальзамировать голову Кая. – Теперь я император.

Император остался стоять, поражённый, обезоруженный, а весь дворец казался застывшим в немом ужасе.

Вальдис улыбнулся – холодно, безжалостно, как человек, который завладел всем и сразу. С этого момента континент должен был знать: новый правитель пришёл без жалости и пощады.

Столица Снежной Империи утопала в вечернем мраке. Небо было затянуто тёмными облаками, через которые редкие лучи солнца пробивались на улицы, заставляя каменные здания блестеть влажной поверхностью. На главной площади собрались сотни жителей, их лица отражали смесь страха и недоумения. Никто не смел шепнуть лишнее слово – город затаил дыхание перед предстоящим актом власти, который обещал переписать историю.

Во дворце всё было готово: залы сияли золотом и мрамором, факелы расставлены так, чтобы отбрасывать длинные тёмные тени. В тронном зале, на возвышении, стоял Вальдис. Его чёрное одеяние с серебряной вышивкой плотно облегало стройную фигуру, а холодные, как лёд, глаза скользили по толпе, вызывая дрожь у каждого присутствующего.

Перед ним стоял прежний император, старик с седеющими волосами и дрожащей осанкой, осознающий, что его власть кончена. Его взгляд метался по лицам подданных – но никто не дерзнул ему помочь.

Вальдис шагнул вперёд, тихо, но каждый звук его сапог отскакивал от мраморного пола, будто предвещающая смерть. Он поднял кинжал, лезвие которого блеснуло в свете факелов. Его голос, низкий и безжалостный, разрезал тишину:

– Сегодня заканчивается эпоха слабости. Сегодня, рождается новая империя.

Император попытался что-то сказать, но слова застряли в гортани. Вальдис, без малейшего колебания, в одно плавное движение провёл клинком – и голова императора отделилась от тела. Повисла мёртвая тишина, нарушаемая лишь шёпотом страха и глухими стонами народа.

Вальдис поднял голову императора перед лицом подданных, показывая её как символ своей победы. Его глаза, холодные и безжалостные, скользили по толпе.

– Я – ваш новый правитель, – произнёс он. – С этого дня начинается эпоха силы. Те, кто слаб, падут. Лишь сильнейшие будут править.

Толпа содрогнулась. Женщины закричали, дети зажмурились, мужчины опустили на колени. Никто не смел взглянуть прямо на Вальдуса – его власть была абсолютной, а жестокость – наглядным уроком.

После этого Вальдис подошёл к трону, сел на него с ледяной грацией, словно трон был создан для него. Его присутствие наполняло всю империю тяжёлым чувством подавленной силы. Он наблюдал за подданными, за каждым, кто дрожал под его взглядом, и казалось, что сам воздух вокруг него стал плотнее, холоднее.

Затем он повел ассасинов к сокровищнице, где хранились древние артефакты и оружие императорской семьи. Среди них были клинки Кая – те самые, что когда-то принадлежали будущему наследнику дома Розарин. Вальдис собственноручно забрал их, приказывая хранить в личной коллекции, словно игрушку, символом власти и контроля над чужими судьбами.

Его лицо не выражало ни радости, ни сожаления – только холодную, расчётливую жестокость. Для него весь мир был шахматной доской, а люди – фигурами, с которыми он мог делать всё, что пожелает.

С того дня Снежная Империя вступила в новую эпоху: эпоху страха, абсолютной власти и тирании Вальдуса. И никто не смел бросить вызов ему – слишком страшной была цена за неповиновение.

Однажды ночью, дворец Снежной Империи наполнялся звуками редких шагов и шепотом свечей. Служанка, чьи ум и хитрость были едва заметны среди тысяч слуг, подошла к трону Вальдуса в тот момент, когда его гордость и усталость смешались с излишне выпитым вином. Его взгляд, обычно холодный и безжалостный, был смягчён, почти растерян.

Она двигалась уверенно, но с осторожной грацией, позволяя каждому её жесту казаться случайным. Слово, взгляд, лёгкое прикосновение – всё это было рассчитано, чтобы разбудить человеческое в нём, скрытое под ледяной маской тирана. И когда Вальдис, не сдержавшись, повёл её в личную сокровищницу, она знала: здесь скрыты тайны, которые могут изменить судьбу.

За дверями, охраняемыми заклинаниями и ловушками, служанка провела ночь с императором – ночь, в которой власть и страсть переплелись, а холод и жестокость на мгновение отступили. Она наблюдала за ним, изучала каждый жест, каждую слабость, и понимала, что от этого зависит не только её жизнь, но и будущее тех, кто невинно страдал от его тирании.

На рассвете, когда первые лучи солнца пробивались через витражи дворца, она скрылась, оставив императора в его пьяной ярости. Но самое важное было скрыто: клинки рода Розарин и по совместительству ассасина Кая, хранившиеся в сокровищнице, были тайно вынесены ею, возвращены в безопасное место. Так, благодаря смелости и хитрости простой служанки, легендарные клинки снова оказались вне власти Вальдиса, готовые когда-то найти настоящего владельца – наследника дома Розарин.

Когда она прибыла в дом Розарин, Альбери встретил её спокойно, без лишних вопросов, словно понимал, что её действия изменили ход истории. Он предложил ей защиту и достойное место в доме, обеспечив безопасность и возможность жить честно, без страха перед тиранией.

С того дня она стала хранителем тайн рода, а возвращение клинков укрепило герцогство Розаринов: в руках их наследника судьба могла перевернуть мир, даже когда зло казалось непобедимым.

Вальдис тем временем был вне себя. Не тот холодный рассудок, что обычно сидел за ним, а полосы ярости, как вспышки молнии, рвали его привычную статью. Он ходил по тронному залу короткими шагами, со сводящихся кулаков стекала кровь – отдавливал нерв, словно хотел превратить эту боль в приказ. Голос, когда он заговорил, был низким и острым, как лезвие:

– Они посмели... – выдохнул он сквозь стиснутые зубы. – Верните мне клинки.

Он прислонился лбом к холодной поверхности окна – в отражении стекла его глаза горели, как два рассекателя тьмы. Мысль о том, что эти лезвия, которые он считал своими трофеями, теперь у кого-то другого, выводила его из себя не потому, что утрачивалась ценность предмета, а потому что кто-то осмелился перехитрить его. Это – оскорбление, и Вальдис не прощал оскорблений.

Но уступчивость власти – не его слабость. Первичная ярость уступила место расчёту. Нельзя было начинать открытую войну с Империей Солнечных Роз: это кончится расходом сил, который обернётся против него. Нельзя – потому что война даст росткам сопротивления шанс; императорская династия могла сформировать коалицию; он не хотел сегодня проливать кровь своих войск там, где можно действовать иначе – точно, скрытно, красиво.

Он повернулся к своему советнику по «Теням» – к человеку, имя которого шептали в нижних залах как имя клинка: Морв. Тот появился бесшумно, с маской на лице, и выждал взгляд, прежде чем заговорить.

– Морв, – сказал Вальдис холодно. – Верни мне клинки. Не тронь дворец Розаринов. Не начинай открытой войны. Делай так, чтобы они сами вернули мне то, что украли. Но ту жалкую служанку – убей.

Морв поклонился, и в его голосе не было ни вопроса, ни сомнения. Он понимал тон: приказ скрытого уничтожения – он ведь сам жил в тени.

Он остановился, и вдруг на лице принца появилась почти детская усмешка – та самая, что раньше могла обрушить жизнь человека, не дав ему шанса понять, почему он падёт.

– И мальчишку – наследника – я хочу увидеть мёртвым, – проговорил он тихо, как заклинание. – Но не сейчас. Не открыто. Сторонняя рука, и никаких следов моей вины.

Он рассудил всё до деталей: фальшивые писаны, подкупные торговцы, слухи, которые подскажут нужную улику нужным людям. Он приказал, чтобы никто не знал о прямой связи с ним – наказание должно выглядеть как случайность, несчастный случай, дающая знать другим.

– Отправьте своих лучших шпионов в столицу империи Солнечных Роз, – велел он.

Морв склонил голову, и тень от его плаща словно подчёркивала приговор.

– Я хочу, чтобы мне показали доказательства их устранения и послали мне клинки, – добавил Вальдис. – Но больше всего я хочу увидеть страх – не в глазах простолюдинов, а в глазах тех, кто позволяет себе думать, что они могут играть со мной.

Он шагнул к окну, поднял к лицу кубок с тёмным вином и пригубил молча. Вином не утолял гнев – оно лишь подстёгивало чувство власти. Его голос потеплел, стал шепчущим.

– И ещё, – сказал он, – того, кто принесет клинки назад, привести ко мне. Он будет вознаграждён по заслугам. Вот только награда будет... особой.

Вальдис позволил себе ту самую мрачную усмешку. Он понимал: страх и обещание награды способны работать в унисон – принудить людей действовать быстрее, чем они думают.

Когда Морв удалился, чтобы привести приказ в исполнение, Вальдис остался стоять у окна. Над столицей раскинулся холодный сумрак, но внутри тронного зала свет был ровным. Он сжал кулак, и в этом жесте было не столько ярость – сколько расчёт.

Вальдис ещё долго смотрел на город, в котором уже начинали шептаться о новом дне. В его голове вырисовывался план – изящный, как закрученное лезвие, холодный, как утренний лёд. И в тот момент он знал наверняка: если кто-то решится снова сыграть с ним в прятки – он станет тем, кто первым найдёт их в тени.

Глава 5

Настоящее время. Помесье Розарин.

Тяжёлая дверь скрипнула, и в солнечный кабинет вошла герцогиня Сириса. Её длинные белоснежные волосы рассыпались по плечам, словно поток лунного света, а золотые глаза отражали внутреннюю бурю.

– Альбери... – её голос дрогнул. – Меня накрыла тревога. Я знаю, что с Каем поехал телохранитель, что Лиадрин точно защитит его... и всё же сердце моё беспокоит.

Герцог, стоявший у окна, медленно повернулся. Его высокий силуэт был подсвечен солнечным светом, и белоснежные волосы сияли, будто иней на рассвете. Он встретил её взгляд и, подойдя ближе, мягко коснулся её ладони.

– Сириса, – произнёс он низким голосом, строгим и одновременно тёплым. – Я тоже думаю о его безопасности всё время.

Он сделал паузу и, будто собираясь с силами, продолжил:

– Я тайно наблюдал за ним на тренировочной площадке. Не раз. – В уголках его губ мелькнула тень улыбки. – И каждый раз я видел не мальчика, а воина. В его движениях – сталь, в глазах – решимость. Он удивительный ребёнок, Сириса. Наш сын может и не похож характером на нас, но он точно может постоять за себя и за весь наш род.

Сириса опустила взгляд, пальцы её чуть дрогнули в его руке.

– Ты правда думаешь, что все будет в порядке? – спросила она тихо.

Альбери кивнул твёрдо, не оставляя места сомнениям.

– Я уверен. Кай не даст себя в обиду. И если кто-то посмеет – пожалеет об этом. В нём есть то, чего я сам не смог достичь в его возрасте. Он сильнее, чем мы думаем.

Сириса вздохнула и прижалась лбом к его груди, позволив тревоге хоть немного раствориться в уверенности мужа. А за окнами ветер колыхал листву сада, словно сам мир шептал: наследник Розарин идёт своим путём.

Альбери некоторое время просто смотрел на неё, словно стараясь запомнить каждую черту лица. Его суровое лицо смягчилось, в глазах зажегся тихий свет. Он протянул руку и осторожно коснулся кончиками пальцев её щеки, проводя лёгким движением вниз, к подбородку. Кожа Сирисы дрогнула под его ладонью.

– Ты всегда тревожишься за него, – сказал он почти шёпотом, в его голосе слышалась нежная улыбка. – Но наш сын куда сильнее, чем кажется.

Сириса попыталась что-то ответить, но слова застряли у неё в горле. Щёки запылали от смущения, и она опустила взгляд, будто стесняясь собственной слабости.

Альбери поднял её лицо двумя пальцами, заставив встретиться глазами. Его прикосновения были осторожны, будто он боялся, что она может исчезнуть от слишком резкого движения.

– Моя герцогиня... – в его голосе звучало столько тепла и заботы, что сердце Сирисы сжалось от нахлынувших эмоций.

Она глубоко вдохнула, словно собираясь с силами, и позволила себе закрыть глаза. Когда их губы соприкоснулись, её дыхание сбилось. Поцелуй был робким, словно первый – несмелым, дрожащим от волнения. Она чувствовала, как сердце бьётся быстрее, и невольно прижалась к нему ближе, будто ища защиты.

Альбери не спешил, не торопил её. Он позволял ей самой выбрать ритм, глубину. Для него этот миг был дороже любых слов. И пусть они вместе уже долгие годы, любовь между ними всегда оставалась насыщенной и робкой.

Когда они медленно отстранились, Сириса ещё несколько мгновений не решалась открыть глаза. Щёки её горели, и она тихо выдохнула, будто боялась спугнуть хрупкое тепло момента.

– Альбери... – её голос дрогнул, в нём слышалась и смущённая нежность, и бесконечное доверие.

Он улыбнулся едва заметно, и снова погладил её по щеке, словно клянясь молча оберегать её так же, как и их сына. Когда губы мужа коснулись её снова, Сириса невольно прикрыла глаза. И вместе с трепетом настоящего к ней ворвались картины прошлого.

Она снова увидела тот день – сад императора, утопающий в белоснежном цветении вишни. Она, ещё совсем юная, смеялась и убегала от приставучих горничных, прячась между зарослями розовых кустов. Сердце колотилось от волнения и озорства, длинные волосы рассыпались по плечам, а рубиновые глаза светились непокорным блеском.

И вдруг он появился в поле ее зрения – высокий юноша, наследник великого рода. Юный Альбери выглядел совсем иначе, чем сейчас, – в нём ещё не было той безупречной строгости, что пришла позже. Его белоснежные волосы тогда торчали в разные стороны, будто он только что сбежал от слуг, пытавшихся уложить их в приличную форму. Лицо мальчишеское, чуть угловатое, с упрямым подбородком и слишком серьёзным взглядом для его возраста. Он стоял среди цветущего сада, в простой тёмной одежде, но всё в нём дышало гордостью и какой-то скрытой силой.

А напротив – она. Совсем юная, с сияющими глазами, оттенок которых повторял её волосы: нежно-розовые, словно лепестки цветущей вишни. Ветви почти сливались с её образом, и казалось, будто она сама соткана из весеннего света. Волосы, длинные и прямые, мягкой волной спадали на плечи, чуть скрывая смущённое лицо.

Она тогда показалась ему неземным созданием – бледной феей из императорского сада. А она увидела в нём не просто наследника знатного рода, а мальчика с искренней улыбкой, спрятанной за слишком взрослым выражением лица.

Сириса была единственной дочерью императора империи Солнечных Роз, ныне покойного владыки, имя которого с благоговением произносили даже за пределами его державы. Его правление стало золотым веком – эпохой мира, изобилия и процветания. Народ обожал его за мудрость и справедливость, за умение держать меч и перо одинаково твёрдо.

Император отличался редкой красотой и благородством, и в его дочери словно отразился весь свет рода. Сириса унаследовала от отца не только величие происхождения, но и природное изящество, утончённость, которую видели все – от придворных дам до простых людей, случайно встречавших её во дворце.

Она была не единственным ребёнком, но именно Сириса считалась жемчужиной династии. После смерти императора многие аристократы мечтали породниться с ней, чтобы через брак упрочить своё положение. Но судьба распорядилась иначе: её сердце выбрало Альбери, и это решение стало для многих неожиданностью.

Её старший брат унаследовал трон, взойдя на престол и продолжив дело отца. Его по сей день считают достойным правителем – твёрдым, рассудительным, хотя и менее блистательным, чем покойный император.

Младший же брат, полный страсти к приключениям и знаниям, покинул родные земли: он отправился в загадочную страну Драконье Зерцало, где драконы жили бок о бок с эльфами, и где правили законы, отличные от имперских. Говорили, что он искал там силы и мудрости, недоступной простым смертным, и связь с древними кланами, что хранили тайны мироздания.

Так Сириса осталась при дворе как единственная дочь, символ и драгоценность императорского рода. И её выбор – союз с Альбери Розарином – стал не просто браком, но и политическим союзом, укрепившим связь между Солнечным Домом и древним родом Розаринов.

Род, откуда происходила Сириша, считался легендарным – их кровь связывали с божественным светом, а розовый оттенок волос и глаз, который она унаследовала, был печатью их небесного происхождения. Для народа это был символ надежды и мира, а для врагов – напоминание о том, что даже сама судьба стоит на стороне Империи.

Она вспомнила, как спрятала руки за спину, стараясь скрыть смущение, и как он, совершенно неожиданно для себя, мягко улыбнулся ей.

– Вы заблудились? – спросил он тогда, голосом ещё юным, но уже уверенным.

– Скорее... прячусь, так же, как и вы, – тихо ответила она, и оба засмеялись, будто знали друг друга давно.

При этой первой встрече Альбери сразу понял, кто перед ним. Даже если бы рядом не было её служанок, даже если бы она не носила тончайшие одежды из императорских мастерских – по её взгляду, осанке и по самой ауре благородства он безошибочно признал в ней дочь императора. Принцессу.

Но, будучи юным и дерзким наследником рода Розарин, он решил не склонять голову и не обращаться к ней с излишней почтительностью. Напротив – он был намеренно менее скован, фамильярен, словно хотел, чтобы она увидела в нём не вассала и не почитателя, а равного себе. Это и зацепило её сердце – лёгкость, с которой он смел нарушать условности, не унижая её величия, а делая его живым и настоящим.

Так начались их тайные встречи в саду императора. Сначала редкие – случайные прогулки, обмен шутками и взглядами, бегство от придворных церемоний. Потом – долгие часы под сенью старых деревьев, где шёпот листьев скрывал их разговоры, где между ними постепенно рождалось чувство, большее, чем дружба.

Годы пролетели в этих тайных встречах, полных юношеской робости и сладкого волнения. Для всех вокруг она оставалась принцессой, жемчужиной императорской династии, а он – дерзким отпрыском древнего рода. Но только в этом саду они могли быть собой – мальчишкой и девчонкой, которых связала судьба.

В день совершеннолетия Сириши, император устроил особый бал. Свет, музыка и роскошь – золотые люстры отражали свет свечей, а шелковые платья дам переливались всеми оттенками радуги. Альбери стоял среди гостей, ощущая странное волнение, которое не было похоже ни на страх, ни на гордость. Его взгляд случайно встретился с Сиришей. Яркие рубиновые глаза принцессы сияли мягким светом, её бледно-розовые волосы струились по плечам, и в этот миг весь мир, казалось, сузился до одного взгляда.

Когда музыка сменила ритм, она робко протянула руку, и он, почти машинально, коснулся губами её ладони. Сердце тогда ещё юного Альбери – забило быстрее, и лёгкая дрожь пробежала по пальцам. Их руки сомкнулись, неуверенные, но словно знакомые веками.

– Ваше высочество принцесса, позвольте пригласить вас на танец... – начал он, но слова застряли в горле, и только лёгкая, робкая улыбка коснулась его губ.

Она кивнула, слегка прищурив глаза, и они двинулись в танце. Медленные шаги, плавные повороты, легкий шёпот музыки – и в этом движении скрывалась вся их робкая близость. Ладони едва касались друг друга, но это касание отзывалось жаром в груди обоих.

Когда танец подошёл к концу, их щеки горели, глаза избегали встречи, но желание быть рядом было сильнее. Альбери, краснея и смущаясь, опустил взгляд, подошёл ближе и быстро, почти испуганно, коснулся губами её щеки.

– Благодарю за танец, ваше высочество... – выдохнул он, и, не дождавшись ответа, отпустил руку Сириши и чуть сгорбившись побежал прочь.

Она осталась на месте, улыбка робко дрогнула на губах, а щеки продолжали пылать. В этом мгновении всё было ясно: между ними зародилась первая настоящая, нежная связь, полная смущения, страха и волнения.

Ночь опустилась на дворец, и бал постепенно стихал. Музыка смолкла, а свечи на столах оставили лишь мягкое мерцание в залах. Сириса, не заметив, как оказалась на балконе, оглядывалась, стараясь унять учащённое дыхание и скрыть румянец на щеках.

Вдруг она почувствовала знакомую тень рядом. Его присутствие заставило сердце биться еще быстрее, и на мгновение она замерла. Альбери стоял, слегка склонив голову, белоснежные волосы, мягко подсвеченные лунным светом, а золотистые глаза сияли решимостью.

– Сириса... – его голос звучал чуть грубовато, словно он боролся с собственным волнением. – Я... я рад, что ты здесь.

Она едва смогла вымолвить слово, лицо пылало, руки дрожали. Сердце было готово выскочить из груди.

Альбери сделал шаг ближе. Ночь, звёзды, лёгкий ветер – и внезапно, собрав всю смелость, он наклонился и страстно поцеловал её. Сердце Сирисы замерло, но она ответила на поцелуй, губы дрожали от волнения и сладкого ужаса, охватывающего её одновременно.

Когда они оторвались друг от друга, дыхание было прерывистым, щеки горели. Альбери нежно коснулся её лица ладонью, а глаза сияли тихой, решительной страстью.

– Ваше высочество, принцесса Сириса Лианель Солянтара, – сказал он тихо, но с полной уверенностью. – Я люблю тебя так сильно, что боюсь не смогу больше жить без этого. Стань моей женой.

Она посмотрела на него, сердце почти остановилось от счастья. Она была готова сказать «да», но слова застряли в горле, и лишь слабый кивок склонил её голову в ответ. Альбери, улыбаясь, осторожно обнял её, и мир вокруг будто исчез, оставив только их двоих под мерцанием ночных звёзд.

Спустя несколько лет настал день, которого ждала вся империя. Храм Розаринов стоял на вершине холма, величественный и тихий, его белоснежные колонны сияли в утреннем свете, а воздух был пропитан ароматом благовоний и цветов, расставленных в огромных серебряных вазах.

Сириса, в платье цвета слоновой кости с золотой вышивкой, шла по мраморной дорожке, покрытой лепестками роз. Каждый её шаг сопровождался мягким эхом в храме, и сердце билось так сильно, что казалось, весь мир слышал его ритм. Её руки слегка дрожали, когда она сжимала подол платья, а рубиновые глаза блестели от волнения и ожидания.

Альбери стоял у алтаря, в строгом камзоле с вышивкой герба, белоснежные волосы аккуратно уложены, а золотые глаза сияли гордостью и тихой нежностью. Он заметил, как Сириса слегка замерла, и мягко улыбнулся, давая понять: всё будет хорошо.

Когда она подошла к алтарю, новоиспеченный герцог осторожно взял её руку в свои. В этот момент свечи словно усилили своё сияние, а воздух в храме казался наполненным невидимой энергией рода. Старый священник произнёс слова благословения, и лёгкая магия Розаринов окутала Сирису, как мягкое тепло.

– Сегодня благородная принцесса Сириса и жемчужина империи, примет силу рода Розарин, – сказал священник. – С этого дня вы – полноправная герцогиня, носительница наследия, силы и чести.

Сириса почувствовала, как энергия рода вливается в неё, мягкая и могущественная одновременно. Сердце её наполнилось решимостью, нежностью и тихой гордостью. Она коснулась ладонью груди, ощущая тепло, которое будто говорило: «Ты достойна продолжить наш род».

И вдруг произошло нечто удивительное: её длинные волосы, прежде бледно-розовые, стали белоснежными, словно иней, точно, как у Альбери. А глаза – золотистыми, сияющими, словно отполированные янтарные камни, отражавшие силу и величие рода. Внутри Сирисы зазвучала новая энергия, мягкая и властная одновременно, словно сама история Розаринов обрушилась на неё и стала частью её сущности.

Она почувствовала, что с этого момента больше не просто носит имя рода, но и становится его живым воплощением – полноправной герцогиней, носительницей силы и чести, готовой идти рука об руку с Альбери в будущее.

Альбери обвёл взглядом храм, а затем мягко коснулся её лица. Их глаза встретились, и в этом взгляде было всё: любовь, преданность, понимание и обещание совместного будущего. Они склонились друг к другу и, слегка смущаясь, едва коснулись губ – нежный поцелуй, который закрепил союз двух сердец и двух судеб.

Когда церемония завершилась, первые лучи солнца пробились через витражи, окрашивая храм в золотые тона. Сириса и Альбери вышли на улицу, и весь мир казался готовым приветствовать новую герцогиню и её супруга – символ союза двух сильных, но любящих сердец.

Воспоминание таяло, растворяясь в тепле настоящего. Сириса прижалась к мужу крепче, ощущая, что прошли годы, но её сердце всё так же замирает, когда он смотрит на неё так близко.

– Ты всё тот же... – прошептала она с дрожью в голосе, и слеза счастья блеснула в уголке глаза.

Альбери осторожно стёр её большим пальцем, улыбнувшись мягко и гордо, словно хотел сказать: я всегда буду таким.

Глава 6

Кай.

Натянув капюшон белого плаща, я скрыл лицо и свою принадлежность к дому Розарин. В толпе это было просто необходимостью. Улицы столицы гудели, словно улей: ярмарочные площади, крики торговцев, звон колесниц, смех виночерпиев у таверн. Каменные мостовые сверкали после утреннего дождя, отражая витрины роскошных бутиков.

Каждый шаг отдавал в сердце чуждым звоном. Золото и бархат, драгоценные перстни на пухлых пальцах купцов, женщины в платьях, переливающихся жемчугом – всё это было не моё. Я – лишь тень под белым капюшоном, скользящий силуэт среди праздного великолепия.

Люди обходили меня стороной. Взгляд их был устремлён на витрины, где выставляли зеркала в золотых рамах, изысканные кинжалы с самоцветами в рукояти, ткани из стран за морями. Для них я просто мальчишка в плаще, не стоящий их внимания. И в этом было моё преимущество.

Я шагал дальше, слушая гул улиц. В голове крутились слова учителей: *«Смотри и запоминай. Тень учится у света, чтобы потом его поглотить»*. В каждом лице, в каждом жесте я искал слабость, привычку, уязвимость. Старый купец, слишком громко смеющийся – вероятно пьян. Девица у лавки прячет кошель в рукаве – чего-то боится. Гвардейцы у трактира поправляют перевязи мечей – устали, в бою будут медлительны.

Мне всего четырнадцать, но я знаю: мир видит во мне ребёнка, а я смотрю на него глазами хищника. Это и есть дар ассасина.

Толпа впереди зашумела сильнее. На площади у фонтана собрались зрители: уличный маг показывал иллюзию, призывая из воздуха пылающих птиц. Дети смеялись, тянули руки, а взрослые бросали медяки в его шляпу. Я остановился лишь на миг, наблюдая, как огненные крылья тают в воздухе. Красиво, но слишком открыто. В моём мире любая вспышка света мгновенно притягивала клинок.

Я натянул капюшон плотнее и прошёл дальше. В этот день у меня была цель – и я не имел права отвлекаться. Перед глазами вспыхнуло прозрачное окно, будто сотканное из чистого света. Голубоватые буквы вспыхивали и гасли, складываясь в строки:

[Бог Хаоса просит вас найти Алюю Розу.]

[Оставшееся время до наказания: 25 минут.]

Я замер, какого черта? Сердце ухнуло вниз, дыхание перехватило. Наказание... только не снова. Толпа по-прежнему смеялась, торговцы кричали, а я стоял посреди улицы, словно в ловушке.

– Что за... – слова застряли в горле.

Я моргнул – окно, к сожалению, не исчезло. Оно висело передо мной, прозрачное, но незыблемое, как приговор. Цифры времени начали медленно отсчитывать секунды.

Алюю розу? И что это значит. Цветок? Символ? Человек? Табличка над лавкой? Соляртар кишел всевозможными вывесками и названиями, и каждое второе украшали розами, золотыми, серебряными, рубиновыми. Но алая? Где искать её среди этого хаоса? Эта отвратительная система будто издевается надо мной. Эй, бог Хаоса, катись в жерло вулкана!

Сознание пронзило ледяным страхом. Цифры на прозрачном окне мигали безжалостно, отмеряя секунды. Двадцать четыре минуты. Я стиснул зубы – в тот же миг память ударила, как нож. Мне было десять. Тогда я впервые осмелился послушаться. Система потребовала от меня

выполнить задание, и я решил, что могу проигнорировать её прихоть. Казалось, что наказание ограничится болью или лишением сна. Но как же я ошибался.

В одну ночь стены моей комнаты дрогнули, свет потух, и пол под ногами провалился. Мир разорвался, и меня швырнуло в иное место. Земли Хаоса. Я помню этот мир до мельчайших деталей, будто он вьёлся в кожу. Воздух там был густым, тёмным, пахнущим серой и кровью. Небо – разорванное, будто покрытое ранами, из которых сочилась алая молния. И существа... Демоны, чудовища, порождения бездны. Их глаза горели ненавистью, а клыки и когти стремились вонзиться в мою плоть.

Я сражался. Меч дрожал в руках, плечи ломило от усталости, лёгкие горели, будто наполненные огнём. Я убивал – и всё равно чудовища шли, одно за другим. Когда силы покидали меня, оставалось лишь бежать. Сквозь леса из чёрных костей, сквозь болота, кишачие тварями. Я падал, вставал, снова бился. И выжил – чудом. Полумёртвый, истощённый, я вернулся, когда время наказания истекло.

С тех пор я знал: игра с Системой – смертельна. Наказания не были пустыми словами. Я вздрогнул, стряхивая наваждение. Передо мной всё так же висело прозрачное окно.

[Оставшееся время до наказания: 23 минуты.]

Сердце стукнуло гулко. Я уже знал, что будет, если не найду эту алую розу. И второй раз мне может не повезти.

Попробовал отвернуться, шагнуть в сторону – окно скользнуло за мной, словно прикованное к моему взору. Ладно, нужно действовать быстрее. Шагнул в толпу, выискивая глазами хоть намёк на красный лепесток среди витрин и лиц.

Паника душила меня ледяными пальцами. Я метался по улицам Солянтары, выхватывая глазами вывески, витрины, цветочные лавки. Каждая красная тряпка казалась розой, но ни одна не отзывалась в сознании. Толпа гудела, смеялась, шепталась, а для меня всё вокруг превратилось в лабиринт, где стены сжимались всё сильнее.

[Оставшееся время до наказания: 9 минут.]

Я ускорил шаг, почти бежал. Люди отскакивали, кто-то выкрикивал ругательства, но я не слышал. Сердце билось в висках, мир сужался до отсчёта в прозрачном окне. Слишком резко свернул, и врезался во что-то мягкое и хрупкое. Удар сбил дыхание, мы оба рухнули на брусчатку.

– Эй! Что с тобой не так?.. – тонкий женский голосок, удивлённый и возмущённый одновременно.

Я поднял взгляд – и замер. Передо мной сидела девушка, не старше меня, может чуть младше. Алые кудрявые волосы падали на плечи, глаза – глубокие, и тоже алые, между прочим, словно сотканые из тех самых лепестков, что я искал. В её лице было что-то светлое, непостижимое.

Прозрачное окно вспыхнуло ослепительным светом.

**[Задание выполнено. Вы нашли Алую Розу.
Бог Хаоса вами доволен.»]**

Буквы горели, словно их выжигали на сетчатке. Я замер, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. Паника отступила, оставив после себя только холодный пот на спине и тяжёлое, странное чувство.

Девчонка всё ещё смотрела на меня, нахмурившись.

– Прости, – выдавил я, голос звучал сухо, как треснувшая кора. Я подался вперёд, подхватил её под локоть и помог встать, чувствуя, как ладонь дрожит. Её взгляд на мгновение вспыхнул – удивление и, может, тень любопытства – затем лицо словно застыло в решительном выражении.

Она резко оттолкнула мою руку и – прежде, чем я успел осознать, что происходит – ладонь её шлепнула меня по щеке. Удар был лёгким, но точным; по лицу прошла дразнящая боль, а в ушах зазвенело. Люди вокруг мигом отвернулись, словно в толпе всегда нелюбимы те, кто умеет быть громче других.

– Смотри, куда идёшь, – прохрипела она, голосом, в котором слышалась насмешка, и, не оглядываясь, развернулась. Её кудри зашевелились, она шагнула в сторону своих подружек – трое девушек в светлых платьях, смех их тут же закрыл мир, будто занавес.

Они приветливо зашептались, бросили на меня хищные взгляды – не злые, скорее исследующие, как животные изучают новую еду, по коже прошлись мурашки. Девушки обступили её, одна поправила на ней тонкую ленту, другая – отряхнула платье. Их движения были лёгкими и уверенными, словно у тех, кто всю жизнь делает это без перерыва.

Я стоял, словно статуя, ощущая, как внутри всё холодеет до прозрачности. Система мигнула где-то в глубине сознания, но надпись о «выполненном задании» уже отлила в глазах анахроничным светом. Почему эта девчонка – «Алая Роза»? Пустяковая случайность? В таких играх случайностей не бывает.

Она смеялась, шумно и легко, и звук этот рвал мою привычную невозмутимость. Я видел, как она проговаривает что-то подружкам, их смех смешался с уличным гулом. В её движениях, в манере держать подбородок, был привкус аристократичности – не дворянской надменности, а той лёгкой уверенности, которую даёт привилегия. Но это лишь догадки.

Я задержался и сделал то, что умею лучше всего: растворился в тени. Держался на расстоянии двух поворотов позади, используя торговые ряды и тень карнизов как прикрытие. Иногда она оглядывалась, хитро улыбаясь, будто чувствуя взгляд следящего, в такие моменты моё сердце сжималось – быть раскрытым не хотелось. Система могла выкинуть что угодно; лучше не искать этого ребенка снова.

Она свернула в узкий переулок, где лавки смолкали, и пропала из виду на пару мгновений. Я остановился у тени колонны и напряг слух – слышал только далёкое щебетание птиц и шаги торговцев. Ничего необычного. Пока она была вне поля зрения, я обдумал план: следовать дальше тихо, и больше не вступать в контакт.

Обогнув ещё один поворот, я замедлил шаг. Узкий переулок пах сыростью и мокрой штукатуркой, под ногами скрипела галька. И – снова она. Стояла, будто ждала меня, руки скрестила на груди, алые кудри вспыхивали в лучах солнца, пробивавшихся через узкий проём между крышами. Её глаза впелись в меня с откровенным раздражением.

– Опять ты? – голос звенел, словно тонкая струна. – Что тебе нужно?

Я чуть наклонил голову, стараясь не выдавать смятения, хотя внутри всё переворачивалось. Система молчала, но её присутствие я чувствовал кожей, как невидимый нож у горла.

– Хотел ещё раз извиниться, – сказал я спокойно, глядя прямо в её лицо.

Она вскинула брови, уголок губ дрогнул, в глазах мелькнула тень презрения.

– С такими, как ты... – она сделала короткую паузу, будто подбирала слова. – ...у меня нет желания говорить, больше не иди за мной!

Холодное эхо её слов ударило сильнее, чем пощёчина раньше. Она развернулась, будто ставя точку, и шагнула прочь, оставив меня стоять среди каменных стен. Система молчала. Ни звукового сигнала, ни прозрачных букв перед глазами. Пустота. Миссия окончена? Так просто? Сначала она вырывает меня из тренировок, заставляет нестись в город, а теперь... будто и не было ничего. Бог Хаоса, в какую игру ты играешь?

Я тихо втянул воздух, стараясь успокоить сердце. Ладно. Главное – вернуться, пока Лиадрин не очнулась. Слишком рано позволять ей задавать лишние вопросы.

Выбравшись из тени переулка, я натянул капюшон плотнее и влился в людской поток. Улица снова встретила меня гулом – крики торговцев, стук копыт по каменной дороге, звон колокольчиков у лавок. Мир жил своей суетой, а моё дыхание постепенно выравнивалось.

Вскоре впереди показался перекрёсток, а за ним – та самая тёмная улочка, где ждала карета. Экипаж стоял там же, старый, обшарпанный, с потёртой обивкой и тусклым металлом на углах. Неприметная карета – именно такая и должна быть для моих дел.

Возле дверцы, опершись на бок, ждал Рейн. Его высокая фигура в плаще выглядела совершенно спокойной, будто время не имело над ним власти. Увидев меня, он коротко кивнул – знак, что всё в порядке, и бесшумно растворился в темноте узкой улочки. Я поднялся внутрь. Деревянные стены скрипнули, сиденья оказались жёсткими, местами с облупившейся тканью, а в воздухе витал запах сырости и пыли, от чего невольно поморщил нос.

Спустя некоторое время Лиадрин зашевелилась. Сначала тихий стон, затем дрожь ресниц – и вот она медленно открыла глаза. Её взгляд был смятённым, непонимающим.

– Юный господин... – голос сорвался, хриловатый, едва слышный. – Что произошло? Я... потеряла сознание?.. С вами всё хорошо?

Я наклонился вперёд, чтобы она видела моё лицо. Голос прозвучал спокойно, уверенно, без единого сбоя:

– Всё в порядке. Да, ты ненадолго потеряла сознание. Всё это время мы находились здесь, в карете. Ничего больше не случилось.

Она слабо нахмурилась, будто что-то не сходилось, но в её состоянии сомнения быстро растаяли. Лиадрин тяжело выдохнула, прикрыла глаза, будто соглашаясь со мной и сама уговаривая себя поверить. Я откинулся на спинку жёсткого сиденья, скрестил руки на груди. Посвящать кого-то в систему бога Хаоса – не входило в мои планы.

Лиадрин окончательно пришла в себя – щеки порозовели, дыхание выровнялось. Она откинула с лица выбившуюся прядь и, встретившись со мной взглядом, едва заметно улыбнулась. Словно пыталась скрыть смущение от того, что потеряла сознание перед господином.

Скрипнули ослабленные петли дверцы, и я первым ступил наружу, протянув руку Лиадрин. Она неуверенно оперлась на неё. Улица встретила нас шумом и запахами: приторная сладость угощений, аромат свежеспечённых булочек, пряная резкость жареного мяса. Толпа двигалась неспешно, разноцветные одежды прохожих мелькали, как узоры в калейдоскопе.

Старая, неприметная карета осталась позади, сливаясь с рядом других повозок. Мы пересекли мощёный переулок и остановились у невысокого здания с коваными решётками на окнах. На витрине переливались в свете ламп кольца и ожерелья, искры рубинов и сапфиров казались осколками рассвета.

– Это... – Лиадрин остановилась, её глаза расширились.

– Ювелирный бутик, – ответил я спокойно, хотя сам невольно отметил, как непривычно она смотрелась здесь – девушка в боевых сапогах, с напряжённым взглядом, привыкшая к клинкам, а не к изысканным украшениям.

Я толкнул массивную дверь. Колокольчик у входа мелодично звякнул, словно приветствуя нас. Внутри царил тишина, нарушаемая лишь мягкими шагами по деревянному полу. Воздух прохладен, пахло полированным дубом, маслом для золота и лёгким ароматом благовоний.

На бархатных подставках под стеклянными витринами покоились драгоценности: изящные серьги, будто сотканые из капель росы; кольца, в которых горели камни, словно миниатюры солнца; ожерелья, где тончайшие цепочки обвивали кристаллы, мерцающие при малейшем движении света.

Лиадрин замерла у ближайшей витрины. В её глазах мелькнуло то ли восхищение, то ли растерянность. Она прижала пальцы к груди, словно стеснялась подойти ближе.

Я невольно отметил: этот мир был для неё чужд, и всё же в глубине её взгляда жила искра – может, забытая девичья мечта, вытесненная долгом перед родом Розарин.

Из-за широкой арки, ведущей в подсобное помещение, торопливо вышел хозяин – седовласый мужчина с аккуратно подстриженной бородой, в длинном сером камзоле, украшенном лишь скромной серебряной цепочкой. Его движения были быстрыми, но не лишёнными достоинства – как у человека, привыкшего обслуживать тех, кто выше его по положению.

Он склонился в почтительном реверансе, но голос его звучал удивительно бодро:

– Чем могу быть полезен столь юному господину?

Я сделал несколько шагов вперёд, скользя взглядом по витринам, и ответил ровно, без тени колебания:

– Мне хотелось бы взглянуть на мужские запонки, – я слегка повернул голову к Лиадрин, уловив, как она замерла рядом, – а также на серьги, которые ныне наиболее популярны среди аристократов.

Глаза старика оживились. Он, кажется, понял, что перед ним не просто любопытный мальчишка, а аристократ, с полным карманом золота.

– Разумеется, господин, – поклонился он чуть ниже и поспешил к дальней витрине. Там, под мягким светом масляных ламп, лежали тонкие бархатные подушки с аккуратно выложенными украшениями.

Первым он выставил передо мной небольшой поднос с запонками. Они были разные: строгие серебряные с гравировкой; золотые с миниатюрными сапфирами, переливающимися при свете; и пара, выполненная в форме стилизованных крыльев дракона, с инкрустацией из чёрного оникса.

– Эти носят юные наследники во время первых приёмов, – пояснил хозяин, указывая на серебряные. – Эти предпочитают послы и дипломаты, – он показал на сапфировые. – А эти... – он замялся, слегка улыбнувшись, – носят те, кто желает показать силу и преданность короне.

Затем он поднял другую бархатную подушку, на которой сверкали серьги. Большие капли рубинов в золоте, тонкие подвески из изумрудов, и крохотные алмазные «звёзды», почти невидимые.

– Среди леди нынче популярно изящество, господин, – старик говорил с заметной гордостью. – В особенности – вот эти, – он бережно показал миниатюрные серьги-лепестки, словно вырезанные из чистого хрустала. – Говорят, их форма символизирует утреннюю росу, и каждая дама желает хотя бы раз блистать в них на балу.

Я наклонился ближе, внимательно изучая каждую деталь, и краем глаза заметил, как Лиадрин – с виду строгая и собранная – невольно задержала взгляд именно на этих серьгах.

Запонки с сапфирами выглядели безупречно – сдержанная роскошь, говорящая о вкусе и статусе, но без кричащего пафоса. Именно то, что подходило для отца. Драконы крылья, хоть и эффектные, казались слишком вызывающими. А простые серебряные... они больше годились для учеников академии или младших сыновей купцов.

– Эти, – я кивнул на сапфировые запонки.

Хозяин понимающе улыбнулся и аккуратно отложил их в отдельную коробочку, обтянутую красным бархатом.

Затем я перевёл взгляд на серьги. Витрина сверкала, маня богатством, но именно прозрачные хрустальные лепестки, словно сотканые из утреннего сияния, цепляли взгляд сильнее других, причем не только меня. В них было что-то лёгкое, чистое, совсем не похожее на вычурные подвески с рубинами или тяжёлые алмазные капли.

– И эти серьги, – я указал на хрустальные, – заверните тоже.

Лиадрин чуть вскинула голову, в её глазах мелькнуло удивление. Она явно не ожидала, что я выберу то, на чём только что задержался её собственный взгляд. На миг в её лице появилось что-то мягкое, уязвимое, но она быстро вернула себе холодное спокойствие.

– Отличный выбор, господин, – произнёс ювелир и, ловко орудуя тонкими пальцами, начал упаковывать покупки.

Когда он протянул мне коробочки, я ощутил, как внутри поднимается странное чувство – смесь удовлетворения и напряжённого ожидания. Подарки для родителей были лишь поводом, чтобы не вызвать подозрения, но все же...

– Подержи, – сказал я спокойным тоном, обращаясь к своей спутнице. – И выйди первой.

Её брови едва заметно приподнялись, но она покорно склонила голову в почтительном поклоне и, сжимая коробочки обеими руками, вышла за дверь бутика.

Как только дверь за ней закрылась, я обратился к ювелиру:

– А теперь мне нужно ещё кое-что. Серьги. Удобные, лёгкие... для эльфийки, которая только что вышла.

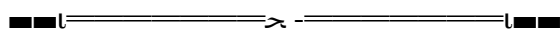
Глаза старого мастера блеснули пониманием. Он быстро повернулся к задней витрине, достал из хрустальной шкатулки тонкие серьги – серебряные капельки, сплетённые в изящный узор, украшенные маленькими изумрудами. Они выглядели неброско, но в них была утончённость, которая идеально подчёркивала бы эльфийскую грацию.

– Эти будут сидеть легко, – уверенно сказал ювелир, ловко упаковывая их в миниатюрную коробочку, обтянутую зелёным бархатом.

Я кивнул и забрал покупку, спрятав коробочку во внутренний карман плаща. А из другого кармана достал небольшой мешочек с золотыми монетами и, не моргнув глазом, положил его на прилавок. Ювелир приподнял брови, ощупал содержимое и чуть поклонился: монет было больше, чем стоили все приобретённые украшения.

– Благодарю, господин, – сказал я тихо, убирая руки.

Ювелир снова поклонился, чуть шире улыбнувшись, а я, сделав вид, что в его лавке ничего необычного не произошло, направился к выходу, где за дверью уже ждала Лиадрин.

К заходу солнца Солянтара окрасилась в золото и багрянец. Небо переливалось оттенками пламени, крыши домов горели последними отблесками дня. Колёса старой кареты мерно грохотали по каменной дороге, и шум столицы постепенно стихал, сменяясь шорохом листвы и запахом сырой земли.

Когда мы свернули в аллею, ведущую к поместью, воздух стал чище, тише. Дорога, обсаженная высокими вязами, скрывала нас от чужих глаз. Закатные лучи пробивались сквозь кроны, ложась длинными тенями на окна особняка. Дом встречал нас спокойствием и холодной торжественностью.

Экипаж остановился у главного входа, Лиадрин открыла дверцу, и я первым вышел наружу. На крыльце уже ждала Сириса. Её силуэт в лёгком темном платье с золотой вышивкой, выделялся на фоне массивных дверей – тёплый, живой, совсем не похожий на безмолвный камень дома.

– Кай! – её голос прозвучал мягко, но с упреком. Она шагнула навстречу, почти бегом, и, не дав мне времени на формальности, обняла. Её руки были тёплыми, запах – знакомым, родным. – Почему так долго? Я уже начала волноваться...

Её слова врезались глубже, чем я ожидал. В груди на миг стало тесно, будто невидимая рука сжала сердце. Я привычно сохранил спокойствие на лице, но обнять её в ответ позволил себе лишь после короткой паузы.

– Все в порядке, матушка, мы с Лиадрин долго выбирали подарки, прости нас, – произнёс я ровно, как будто эти слова могли объяснить всё.

Сириса отстранилась, всмотрелась в меня внимательнее, и на её лице мелькнула тень тревоги, которую она тут же попыталась скрыть. Она ещё не успела задать следующий вопрос, как массивные двери за её спиной распахнулись. На крыльцо поспешно вышел отец. Его шаги были быстрыми, напряжёнными, взгляд метнулся сразу ко мне – и остановился. Он осмотрел меня с ног до головы, будто убеждался, что я цел, что на мне нет ни царапинки.

– Кай... – голос его дрогнул, и, прежде чем я успел что-то сказать, он шагнул ближе и крепко прижал меня к себе. Его объятия были тяжёлыми, сильными, как цепи, и в то же время тёплыми.

Мое тело едва заметно вздрогнуло. О, великий бог Хаоса, что с ними произошло? Эти люди... будто с ума посходили.

Я отстранился ровно настолько, чтобы встретиться с его глазами, и позвал:

– Лиадрин.

Она подошла ближе, по-прежнему держа в руках коробочки. Я взял их из её ладоней и протянул родителям.

– Это вам, – сказал я тихо, но твёрдо.

Альбери нахмурился, будто не верил происходящему, а Сириса улыбнулась так искренне, что на миг я растерялся. Она аккуратно приняла свою коробочку, прижимая её к груди, словно это нечто драгоценное само по себе, даже не зная, что внутри.

Сириса первой осторожно открыла коробочку. На её ладони блеснули серьги – изящные, прозрачные хрустальные лепестки, тонкой работы, которые ловили последние лучи заката. На миг она замерла, глаза расширились, губы дрогнули.

– Сын... – её голос сорвался на шёпот. Она провела пальцами по холодному металлу, и вдруг её лицо озарилось улыбкой – тёплой, искренней, как утренний свет. – Они прекрасны... спасибо...

Она прижала серьги к щеке, словно не верила, что это её. В глазах блеснули слёзы, и сердце у меня почему-то замерло, будто кто-то сжал его изнутри стальными когтями.

Альбери между тем открыл свою коробочку. Внутри лежали сапфировые запонки – строгие, массивные. Его взгляд стал серьёзным, даже тяжёлым. Он взял одну запонку, поднёс ближе к глазам, провёл пальцем по металлической грани.

– Ты сам выбрал? – спросил он глухим голосом.

Я кивнул.

Он долго молчал, и неожиданно крепко сжал моё плечо. В его глазах не было ни гордости, ни привычной холодной требовательности – только что-то другое, непривычное, будто в сердце его пробудилось чувство, о котором он давно забыл.

– Спасибо, сын, – сказал Альбери наконец.

Сириса уже надела серьги, они мягко сияли на фоне ее волос. Она обняла меня снова – осторожно, но крепко, так, будто боялась отпустить.

Я медленно отстранился от матери, её руки нехотя разжались. В груди ещё тлело чужое тепло, но я не позволил ему задержаться дольше. Сделав шаг назад, я достал последнюю коробочку – обтянутую зелёным бархатом.

– Лиадрин, – сказал я ровно, без лишних интонаций, и протянул ей. – Для тебя я тоже прикупил нечто особое.

Она удивлённо вскинула брови, прижимая ладони к груди, словно не верила услышанному.

– Для... меня? – её голос прозвучал слишком тонко, будто нота, случайно сорвавшаяся с лютни. Она шагнула ближе, но замотала головой. – Нет, юный господин... я не могу принять такой дорогой подарок. Это неправильно.

Я твёрдо встретил её взгляд.

– Можешь. И примешь. Приказ молодого господина.

На миг в её глазах мелькнула растерянность, почти испуг, но спорить со мной она не решилась. С осторожностью, будто опасаясь, что коробочка может рассыпаться в её руках, Лиадрин приподняла крышку.

Внутри на маленькой бархатной подушке лежали серьги капельки – тонкие, изящные, с яркими изумрудными камнями, переливавшимися в свете заката. Они были не столь бросающимися, как серьги Сирисы, но созданными с иным умыслом: они подчёркивали форму, изгиб, утончённость.

– Они... – её голос дрогнул, и пальцы невольно коснулись кончиков ушей. Острых, точёных, уязвимо прекрасных. – Они будто сделаны именно для меня...

Я промолчал, но уголок моих губ едва заметно дрогнул. Сириса и Альбери обменялись быстрым взглядом, а Лиадрин всё ещё не могла отвести глаз от блеска камней. Словно подарок, столь невозможный для неё, оказался реальностью.

Лиадрин долго не решалась. Её пальцы дрожали, когда она подняла одну серьгу и осторожно поднесла к уху. На лице читалась нерешительность, словно она всё ещё ждала, что я отберу подарок назад или скажу, что это лишь шутка.

– Примерь, – сказал я тихо, но твёрдо.

Она встретила мой взгляд – и сдалась. Осторожно закрепила серьгу, затем вторую. Вечерний свет скользнул по её лицу, по блеску камней, и я понял: они легли идеально. Подчеркнули тонкую линию скул, плавный изгиб шеи, и главное – её острые уши, что теперь выглядели ещё изящнее, чем прежде.

– Бог мой... – прошептала Сириса, прикрывая рот ладонью. – Какая красота...

Альбери молча кивнул, его взгляд стал серьёзным, одобрительным.

Лиадрин же не двигалась. Будто не верила, что это отражение в стекле окна принадлежит ей. Она дотронулась до серьги, и по губам скользнула робкая улыбка – редкая, почти неуловимая, но от того ещё более живая.

– Благодарю вас, юный господин, – произнесла она наконец, голосом тихим, как шёпот травы под ветром.

Я ничего не ответил. Внутри кольнуло странное чувство – не радость и не гордость, скорее что-то чужое, едва уловимое, будто в сердце проклюнулся новый росток. Закат догорел, и наконец опустились первые сумерки.

Глава 7

Кай.

Сквозь сон я уловил шорохи, звон и стук – будто весь дом превратился в улей. Голоса, быстрые шаги, шелест ткани, запахи воска и свежих цветов. Слуги и горничные сновали коридорами, торопливо переговариваясь, таская ящики и свёртки.

Обычно, моя личная горничная по имени Фаринн, будила раньше рассвета, но сегодня шум разбудил меня только тогда, когда солнце уже поднялось. Я приоткрыл глаза и увидел, как в щель двери мелькнул силуэт – горничная пронеслась мимо, держа в руках связку лент.

Сел на постели, сбросив с себя остатки сна. Мир за стенами комнаты гудел, жил какой-то суетливой, чужой мне жизнью. Внизу, слышалось постукивание молотков, звон стекла и громкие голоса – готовили праздник. Поместье украшали к грядущему вечеру, и даже воздух наполнился предчувствием чего-то большого, шумного, неизбежного.

Я поднялся, прошёл к окну и отодвинул штору. Во дворе слуги устанавливали арки, украшенные свежесрезанными цветами, и натягивали ткани, переливающиеся под солнцем. Их спины гнулись под тяжестью ящиков, но никто не останавливался. Все торопились, будто от скорости их рук зависела сама жизнь.

Неторопливо оделся, натянул обычные брюки, светлую рубашку и жилет, затем поправил волосы перед зеркалом. В отражении смотрел на меня не мальчик, но и не взрослый – юный господин, в чьих глазах тлела тень недавнего испытания.

За дверью продолжали сновать слуги. Я открыл её и вышел в коридор, стараясь не мешать. Несколько горничных замерли и склонились в лёгком поклоне. Их глаза сверкали от усталости и возбуждения – праздник для них был работой до изнеможения.

– Доброе утро, юный господин, – прошептала горничная, торопливо прижимая к груди корзину с золотистыми свечами.

Я кивнул и пошёл дальше.

На лестнице пахло свежескошенной зеленью и розами. Из бального зала доносились звуки скрипок – музыканты уже настраивали инструменты. Слуги вносили длинные столы, накрытые белыми скатертями, и расставляли по ним серебряные блюда, пока повара командовали из кухни, наполняя воздух ароматами жареного мяса и выпечки.

Я остановился у дверей в зал и, скрывшись в тени колонны, наблюдал за этим хаосом. Слуги смеялись, ругались, спешили – и ни один не замечал, что я стою рядом. На миг показалось, будто я снова – всего лишь тень среди них.

– Молодой господин, вы уже проснулись? – раздался позади тихий голос Фаринн.

Я обернулся. Она стояла с подносом, на котором лежала аккуратная посуда с завтраком. Её длинные каштановые волосы собраны в строгий хвост, но даже так она казалась изящной и спокойной на фоне всей этой суеты.

– Я несла вам завтрак, – сказала она чуть мягче. – Желаете поесть в комнате или обеденном зале?

– В комнате, – озираясь по сторонам, ответил я. – Не будем мешать другим.

Мы вернулись в мою спальню. Здесь было тихо, словно стены отгородили меня от гулкого мира за дверью. Фаринн поставила поднос на маленький столик у окна и начала аккуратно расставлять тарелки.

– Завтрак юного господина сегодня по-особенному удался, – сказала она привычным тоном. – Вечером вам потребуется много сил.

Я сел, посмотрел на белую керамику и серебряные приборы. На тарелке дымился омлет с зеленью, рядом лежали кусочки сыра и вяленые помидорные дольки. Всё выглядело слишком спокойно на фоне того, что творилось внизу.

– Они будто сошли с ума, – пробормотал я, беря в руки вилку. – Суета такая, из-за того, что приедет сам император.

Фаринн склонила голову набок и внимательно посмотрела на меня.

– Для ваших родителей это особенный день, – ответила она. – Не сочтите за грубость, по моему недостойному мнению, ваш день рождения важнее императора.

Я пожал плечами и сделал пару ленивых движений вилок, разрезая омлет.

– Дебют в обществе, – повторил я тихо. – Этот день, все же настал.

Горничная чуть замерла, и, не меняя выражения лица, поправила прядь волос, упавшую на плечо.

Я доел последние кусочки сыра и откинулся на спинку стула, позволяя себе короткую паузу. В комнате стояла тишина, лишь где-то за окнами слышались крики слуг, перетаскивающих очередные ящики с цветами.

– Благодарю, Фаринн, – сказал я ровно. – Я выйду в сад, немного прогуляюсь. Один.

Она чуть склонила голову, словно приняла мои слова как приказ, и, не задавая лишних вопросов, стала быстро и бесшумно собирать тарелки и приборы обратно на поднос. Её движения были отточены, как и подобает личной горничной.

Когда всё было собрано, Фаринн мягко поклонилась.

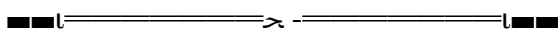
– Как будет угодно юному господину.

Я кивнул. Она вышла, тихо прикрыв за собой дверь, оставив после себя лёгкий запах лаванды, впитавшийся в её униформу. В комнате вновь воцарилась тишина. Я накинул плащ поверх жилета и направился к выходу. Коридоры всё ещё гудели, но, минуя боковую лестницу, я быстро оказался в задней части поместья.

Сад встретил меня прохладой и покоем. Лёгкий ветер шевелил кроны старых лип, солнце скользило сквозь листву, высекая блики на влажной траве. На дорожках лежали лепестки свежесрезанных роз – видимо, садовники подрезали кусты совсем недавно.

Я сделал несколько шагов, вдохнул запах цветов. Здесь, в тени садовых арок, шум праздника казался далёким, почти нереальным. Всё вокруг дышало покоем, и лишь внутри меня тлела тревога. Вечером. Дебют. Встреча с императором, который по совместительству мой дядя. Толпы глаз.

Невольно опустил взгляд на ладони. Даже сейчас они чуть дрожали, будто вспоминали один такой банкет из прошлой жизни. А он, хочу заметить, закончился кровавой резней. Я свернул к аллее, где розы, расцветшие ярко-алыми пятнами, клонились к дорожке. Один лепесток с дерева упал мне на плечо, и вдруг всё вокруг дрогнуло, как хрупкое стекло. Перед глазами всплыло иное – прошлое, обжигающее, тёмное.

Глубокая ночь прижимала квартал к земле. В темном зимнем саду поместья стояли люди – не мальчишки и не зелёные новички, а зрелые бойцы. Всем им было не меньше двадцати двух, и каждый уже не раз возвращался из заданий в крови и чужих смертях.

Среди них выделялся один – темноволосый Кай со шрамом, тянущимся от скулы к губе. Он стоял, скрестив руки на груди, и глаза его светились в полумраке холодным янтарным блеском. В облике не было ни следа юности, лишь сдержанная сила, закалённая долгими годами убийств.

Перед ними раскинули карту поместья аристократа – того, кто мечтал поднять восстание, для короны он был серьезной помехой. Над картой склонился Вальдис. Молодой принц в

чёрном плаще выглядел хищно и властно; серебряная пряжка на груди сверкала, словно метка власти.

– Он смеётся и пьёт с друзьями, – произнёс Вальдис, голосом низким и ровным, – а за спиной торгуется, как последняя шлюха. Я допускаю жестокость среди знати, и даже кровь, но продажности – нет.

Его слова разрезали воздух. Тени слушали молча, без возражений. Они привыкли убивать, но в голосе принца слышалось едкое отвращение.

Вальдис выпрямился и перевёл взгляд на Кая.

– Сегодня он умрёт. Кай, ты поведёшь теней. Не упусти добычу.

Шрам на лице Кая показался ярче, но губы остались сжатыми. Он кивнул коротко, и это движение было подобно клятве. Остальные бойцы шагнули ближе, признавая его командиром.

Там, за стенами, уже начинался бал – музыка, танцы, смех. Но для этих людей он станет ареной убийства. И никто из гостей не заметит, как среди них растворятся Тени.

Под радостный звон бокалов они проникли в просторный зал поместья Монтальво. Огромные окна отражали свет фонарей, люстры переливались хрусталём, а гости смеялись и болтали, не подозревая о незваных гостях.

Среди них выделялся хозяин дома – граф Леонардо Монтальво, высокий мужчина в бархатном костюме тёмно-зелёного оттенка, с глазами, сверкающими хитростью и тщеславием. Он уверенно поднимал бокал, наслаждаясь вниманием гостей, полностью поглощённый своим торжеством, не ведая, что среди них скрываются охотники за душами.

Кай внимательно наблюдал за каждым его жестом, отмечая манеры, движения и слабые места. Простор зала давал преимущество – но и опасность увеличивалась: каждый неверный шаг мог стоить им жизни.

Один из ассасинов, тонкий и высокий, поднял руки, и тьма, словно живая, поползла по залу. Магическая сила накрыла пространство, мягкая и густая, и свет люстр погас, оставив гостей в полной темноте. Раздались крики, стук бокалов и скрип обуви – люди пытались сориентироваться, но темнота была абсолютной.

Отряд действовал мгновенно. Они двигались как тени, каждый удар – точный, смертельный. Паника разлилась по залу, смешиваясь с запахом страха и крови. Никто не успел поднять руку на защиту: один за другим гости падали, тихие и страшные звуки перемежались хриплыми криками.

Когда последние гости замерли, оставив лишь безжизненные тела, ассасины обернулись к хозяину дома. Леонардо Монтальво стоял в центре зала, оцепеневший, глаза расширены ужасом. Он пытался шагнуть назад, но движение было медленным, словно воздух сам сопротивлялся.

Кай остановился на мгновение, наблюдая за точной, холодной работой отряда. Все были опытны, каждый знал своё место, и каждая смерть была рассчитана. Напоследок он подошел к Леонардо. Тишина, в которой слышно было только учащённое дыхание хозяина дома, стала почти осязаемой. Один шаг – и всё решится.

Кай шагнул вперёд, свет луны, пробивающийся в окна, отражался в его синем кинжале, срезая темноту, как ледяной луч. Его взгляд был холоден, без тени сомнения.

– Продажным крысам нет места в Великой Снежной Империи, – произнёс он ровно, голос звучал тяжело и непреклонно. – Именем короны ты должен заплатить жизнью.

Леонардо Монтальво застыл, глаза расширены ужасом. Он открыл рот, заикнулся, попытался что-то возразить:

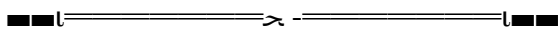
– Я... я... я не... я не делал ничего подобного!

Но слова застряли в горле. Вокруг был лишь холодный воздух зала, тьма, в которой мерцали падающие отблески света. Было поздно.

Синий кинжал Кая вспыхнул в руке, когда он сделал шаг. В следующую секунду он пронзил грудь хозяина поместья. Леонардо издал пронзительный крик, который тут же оборвался. Его тело рухнуло на пол, сердце больше не билось, а страх и ужас остались лишь эхом в зале, заполненном смертью.

Кай отступил на шаг, синий клинок оставался в руках, капли крови тихо падали на пол, смешиваясь с его узором. Мгновение тишины казалось вечностью. Он наклонился, оценивая результат. Всё было закончено – ровно, чисто, как полагается истинному ассасину.

Отряд молча отошёл в тень, растворившись так же бесшумно, как и пришёл. Лишь холодный воздух и запах крови напоминали о прошедшем насилии. Кай стер кровь с кинжала, убрал его обратно, взгляд, холодный и ясный, устремился вдаль помещения. Задание выполнено.

Я замотал головой, словно стряхивая с себя тяжесть прошлой жизни. Тёмные воспоминания о холодных клинках и шепоте смерти постепенно рассеивались.

Передо мной раскинулся все тот же сад поместья. Лёгкий ветер шевелил листья деревьев, где-то вдали щебетали птицы – такой обычный, мирный звук. Тёплое солнце заливало дорожки, клумбы сияли яркими цветами, а фонтан тихо журчал в центре аллеи.

Сад, живой и дышащий, словно вырвал меня из оков. Всё это – возвращало ощущение обычного дня, простого и спокойного, совершенно не похожего на ту ночь, когда жизнь и смерть висели на кончике моего кинжала.

Я сделал шаг вперёд, позволяя себе немного расслабиться. Свернул к узкой аллее, где ветви старых яблонь переплетались в зелёный свод. В тени пахло сыростью и медовой сладостью цветущих кустов. Шаги мои тонули в мягкой траве, и только журчание фонтана нарушало покой. Невольно уловил тихие голоса. Женские, торопливые, сдержанные, но наполненные живым волнением. Я остановился, прислушиваясь.

За углом, у маленькой калитки, две горничные притаились в полутени, держа корзины с тканями и цветами. Они явно решили передохнуть и, забыв о приличиях, заговорили чуть громче, чем следовало.

– Ты представляешь, сам император прибудет... – первая, рыжеволосая, едва не шептала, но в её голосе звучало восхищение. – Я и во сне не мечтала, увидеть его так близко!

– Тише ты, – вторая, черноволосая, тревожно озиралась. – Если госпожа услышит, нам головы снимут за такие разговоры.

– Да ну! – рыжая нервно засмеялась. – Все знают, какой он. Сильнейший воитель Снежной Империи. Говорят, ещё юношей он один сразил сотню врагов! А глаза у него – черные, как звездное небо.

– И сердце у него, – мрачно добавила черноволосая, – такое же холодное. Не зря его называют Кровавым Волком Севера.

Рыжая передёрнула плечами, но в голосе её оставалось нечто восторженное:

– Пусть хоть Волк, хоть Дракон... всё равно он правит всей Империей. Его слово сильнее закона. Представь – он войдёт в наш зал!

– А я молюсь только об одном, – тихо ответила вторая, – чтобы его взгляд не упал на слуг. Говорят, если он посмотрит прямо в глаза, значит точно убьёт!

Обе замолчали, прислушиваясь к шуму сада. Я, не шевелясь, стоял за деревьями, словно сама тень. В груди шевельнулось странное чувство: смесь тревоги и любопытства. Они говорили точно о Вальдисе, разве он был в списке гостей? Сжал кулаки, и лёгкий ветер тронул алые лепестки роз. Живя здесь, как тепличный цветок, я совсем позабыл о снежной империи.

Рыжая, поколебавшись, наклонилась ближе к подруге, её голос стал почти заговорщицким:

– А ещё слышала... – она понизила голос до шёпота. – Говорят, что это не госпожа Сириса их пригласила. Будто сам император пожелал, чтобы правитель другой империи посетил день рождения юного господина.

Черноволосая ахнула, так сильно прижимая корзину к груди, что цветы в ней чуть не рассыпались.

– Тсс! – прошипела она. – Ты с ума сошла такое вслух говорить?

– Но это же правда! – рыжая взволнованно шевельнула плечами. – Слуги с кухни болтают, что приглашение в столицу пришло не от дома Розарин, а прямо из рук императора.

– Если это так... – черноволосая понизила голос, и в её словах прозвучала тревога.

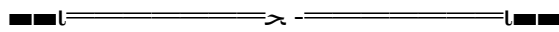
Они обе замолкли. В воздухе повисло напряжение, будто даже птицы на ветвях прислушивались.

Я стоял неподалёку, и слова их ударили по сознанию тяжелее ветра. Получается, что дядя пригласил того ублюдка? Но зачем? Сердце забилося быстрее. Воспоминание о прошлой жизни вновь обожгло разум.

Разговор угас, горничные снова принялись за корзины, торопливо поправляя ткани и цветы, будто и не было сказанных слов. Всё остальное оказалось лишь пересказом слухов, пустым лепетом, и я понял – слушать дальше бессмысленно.

Выпрямился и шагнул прочь из тени деревьев. Сад снова встретил меня запахом роз и влажной земли, но теперь этот покой казался обманчивым, словно под гладью воды скрывался холодный омут. Я направился к поместью. Каждый шаг отдавался в груди тяжёлым эхом. Аллеи, фонтан, свет на листве – всё вокруг выглядело так же мирно, но мысли не отпускали: вечер переставал быть просто праздником.

У дверей бокового входа я задержался, бросив последний взгляд на сад. Солнце играло на лепестках, словно не замечая надвигающейся тени. Я втянул воздух, выпрямился и вошёл в прохладные коридоры дома, где суета к приближающемуся балу гудела, как пчелиный рой.

Ближе к вечеру шум в поместье стал глуше. Суета за стенами постепенно стихала, и лишь в моей комнате не утихал беспорядок. На ширме и креслах висели ряды одежды, словно диковинные птицы расправили крылья из шёлка и бархата. Изумрудные камзолы, расшитые золотыми листьями, сапфировые мундиры с серебряными пуговицами, жилеты из тонкой ткани, переливающейся в свете свечей, будто поверхность воды. На подлокотнике кресла – белый костюм, отороченный алым шнуром, такой яркий, что у меня рябило в глазах.

Главная горничная, сухощёкая дама с туго стянутыми волосами, придиричиво щурилась, хмыкала и дергала то за ворот, то за рукав.

– Нет, это чересчур. Вы похожи на пёструю витрину. – Она махнула рукой на изумрудный камзол и уже велела подать другой.

Через несколько минут на меня надели сапфировый мундир с серебряным кантом. Ткань тянула плечи, словно доспех, и я едва сдержал усмешку.

– Слишком мрачно, – вздохнула горничная, поправляя лацканы. – Вы же не на похороны идёте.

Следом попробовали белый костюм с алыми вставками. На груди он сиял золотой вышивкой в форме розы. Я посмотрел на отражение и нахмурился. Кукла на витрине. Разве в таком можно драться? А драться я был готов, если придёт Вальдис, конфликта не избежать.

– Этот слишком вызывающий, – буркнула она и, сморщив нос, отстранилась. – Вы затмите самого императора. Это недопустимо.

Её помощницы поспешно подавали новый наряд – жилет из мягкого серого шёлка с тонкой золотой нитью, рассыпанной, как утренние искры. Он был легче, скромнее, и наконец горничная удовлетворенно кивнула, но не без нового фырканья:

– Хотя и это далеко не идеально...

Я же смотрел в зеркало и видел совсем не то, что она хотела. Не «юного господина в парадном облачении», а человека, привыкшего к другой одежде – к коже, шероховатым ремням, к холодной стали на поясе. Всё это кружево и шёлк тянули к земле, будто путы.

Горничная в третий раз закатила глаза, стянула с меня сапфировый мундир и резко взмахнула рукой, велев подать следующий. Помощницы суетливо шуршали тканями, наполняя комнату запахом шёлка и пыли.

– Ах, нет, нет... – раздражённо пробормотала она, поправляя воротник, который сама же только что натянула на меня. – Всё это не то. Юный господин должен блистать, а не выглядеть, как...

Дверь распахнулась.

В комнату вошла Сириса. Её шаги были мягкими, но каждая горничная замерла, словно по команде. Она несла в руках лёгкий веер из белого пера, волосы, убранные в высокую причёску, блестели жемчужными шпильками. Лицо – светлое, спокойное, но в глазах таилась властная искра, от которой все вокруг невольно склоняли головы.

– Достаточно, – произнесла она негромко, и её голос, мягкий как бархат, перекрыл ворчание старшей горничной. – Вы уже час наряжаете моего сына и до сих пор не нашли достойного решения?

– Госпожа Сириса... – горничная поспешно поклонилась, прижав руки к животу. – Всё слишком... не к лицу юному господину. Я пыталась...

– Ты слишком стараешься, – перебила мать спокойно, не повышая голоса. Она подошла ближе, её взгляд скользнул по нагромождению тканей на креслах, по сапфировому мундиру, лежащему смятым, по белому костюму с алыми вставками. Качнула веером, будто отгоняя назойливую муху. – Всё это не подходит.

Она посмотрела на меня и чуть улыбнулась.

– Принесите белый жилет, – сказала она. – С золотой нитью. И тёмный камзол с высоким воротом.

Слуги метнулись исполнять приказ. Горничная скривилась, но не посмела возразить.

Мать подошла ко мне сама, поправила непослушную прядь волос, скользнула пальцами по плечу, словно проверяя посадку ткани. Её прикосновение было лёгким, но в нём чувствовалась забота, к которой неосознанно успел привыкнуть.

– Затмишь ты императора или нет, это не важно, – сказала она мягко.

Встретился с её взглядом в зеркале. На миг мне показалось, что она видит больше, чем должна. Что за этими золотистыми глазами скрывается женщина, способная читать тени прошлого.

Я кивнул, ровно, без слов.

Глава 8

Кай.

Я стоял в коридоре, нервно перебирая край рукава камзола. Ткань была гладкой, плотной, но пальцы всё равно будто нащупывали неровности – отголосок моей собственной тревоги.

За прошедшие четырнадцать лет, я не видел никого из аристократов, кроме редких гостей дома. Всё это время – обучение, книги, тренировки, редкие прогулки в саду под присмотром. Даже при том, что мне вдолбили основы этикета, я и понятия не имел, как вести себя с теми, кто с детства купался в интригах и блеске приёмов.

Шаги отдавались в мраморных стенах, коридор казался бесконечным, будто специально вытягивался, испытывая моё терпение. Слуги, проходившие мимо, склоняли головы, стараясь не встречаться со мной взглядом. Их торопливость только усиливала гул в голове.

Я задержал дыхание, закрыв глаза. Внутри – тень прошлого. Я помнил запах крови, сталь кинжала в руке, холодный взгляд жертвы в последние секунды. Тогда я не дрожал. Скорее был хищником среди овец.

Но сейчас... сейчас передо мной не враг с клинком, а зал, полный тех, кто умеет убивать не мечом, а словом. Я чуть сжал кулаки и снова отпустил рукав. В груди жила странная смесь раздражения и волнения. Если я смог пройти через тронный зал Мюреля в лицо смерти, то смогу пройти и через это. Пусть даже весь мир устанет на меня.

В глубине коридора послышался гул голосов и звон бокалов. Там, за массивными дверями, ждали гости. Сзади раздались шаги. Я обернулся – и увидел их. Сириса и Альбери шли неторопливо, но в их походке было что-то неуловимо властное. Они словно несли с собой тишину, которая сразу обрезала лишний шум.

Отец остановился рядом. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на чуть прикушенной губе, на пальцах, всё ещё теребящих рукав. Я резко убрал руку, но было уже поздно.

Альбери едва заметно усмехнулся, угол его губ дрогнул, и суровые черты на миг смягчились.

– Даже волки волнуются перед первым выходом на охоту, – сказал он негромко, будто это была поддержка. – Не волнуйся, вечер пройдет безупречно.

Мать подошла ближе. Тёплая ладонь легла мне на щёку, словно стирая напряжение с лица. Сириса провела пальцами по линии скулы, пригладила прядь у виска и заглянула в глаза так, что дрожь внутри отступила.

– Твой отец прав, – прошептала она тихо, но уверенно. – Они будут видеть лишь то, что ты сам позволишь.

В её голосе звучала нежность, но и твёрдая уверенность. Так могла говорить только мать, которая была без ума от своего дитя.

Я кивнул, выпрямился, расправил плечи. Сердце всё ещё билось слишком быстро, но тревога уже не выглядела слабостью – она превратилась в острый, собранный клинок внутри меня.

Отец хлопнул меня по плечу, легкое касание.

– Пора.

Массивные двери распахнулись, и в лицо ударил свет. Сотни свечей, люстры из хрусталя, отражения в полированных стенах и зеркалах – всё сияло так ярко, что на миг мне пришлось прищуриться.

Дворецкий громко объявил наше присутствие.

– Прибыл герцог Альбери Фауст Розарин, его жена герцогиня Сириса Лианель Розарин и юный наследник Кай Эфириус Розарин.

Зал встретил гулом голосов, звонким смехом, шелестом платьев. Но едва мы ступили внутрь, шум стих. Как по команде, все взгляды обратились на нас. Нет – на меня. Я почувствовал их внимание, как сотни стрел, выпущенных одновременно. Одни глаза изучали, холодные и цепкие. Другие блестели завистью или любопытством. Кто-то пытался улыбаться, но улыбки эти были острее кинжалов.

Я сделал шаг вперёд. Камзол сидел идеально, ткань мягко ложилась по плечам. Но я ощущал себя не в наряде – в доспехе. Каждый шов, каждая золотая нить – как щит от чужих взглядов. Так вот они какие, аристократы империи Солнечных Роз. В моём прошлом мире враги прятались в тених, дышали холодом клинков. Здесь же опасность улыбалась и кивала, держа бокал вина.

Я уловил перешёптывания:

– Это он? Юный господин Розарин...

– Говорят, наследник умен не по годам...

– Но взгляните, какой холод в глазах.

Я стойко выдержал их взгляды. Внутри вновь зашевелился тот самый хищник, которого я пытался задушить. Он знал это чувство – быть в центре внимания, на грани, где одна ошибка может стоить жизни.

За спиной мать шагнула ближе, её рука легла на моё плечо, мягкая, но поддерживающая. Отец же стоял, словно каменная стена, его гордый профиль говорил сам за себя: это мой сын, это мой мальчик... куда-то не туда занесло меня на мгновение.

Я вдохнул. И сделал ещё один шаг в зал, позволяя этим жадным людям разглядеть меня.

Отец выступил вперёд, сделав шаг на середину лестницы. Его камзол глубокого синего цвета с серебряными узорами переливался в свете свечей, а голос, когда он заговорил, перекрыл гул зала, словно удар колокола.

– Дамы и господа, – начал он, чеканя каждое слово. – Сегодня мы собрались здесь не только ради пира и музыки. Сегодня особенный день.

Толпа смолкла, сотни глаз уставились на него. Я чувствовал, как тишина в зале становится густой, почти осязаемой.

– Четырнадцать лет назад, – продолжил отец, – нашему дому был дарован наследник. Сегодня он стоит перед вами – юный господин герцогства Розарин, мой сын. И сегодняшней бал посвящён его дню рождения и его первому шагу в общество, которому он по праву принадлежит.

Он слегка повернулся в мою сторону, и весь зал будто последовал его взгляду. Я снова ощутил этот тяжёлый груз внимания – все смотрели на меня.

– С минуты на минуту начнётся бал, – отец поднял бокал вина, и слуги тут же отозвались, разнося напитки гостям. – Пусть сегодняшний вечер станет началом его пути, достойного имени Розарин и нашей Империи!

Гул одобрительных возгласов и звон бокалов взорвал зал. Музыканты заиграли вступление, лёгкие ноты скрипок и арф понеслись под своды. Атмосфера напряжения сменилась оживлением: гости стали переглядываться, улыбаться, кто-то уже делал первые шаги к нам, готовясь к знакомству.

Первыми к нам приблизились двое мужчин в богато расшитых камзолах и дама в платье цвета расплавленного золота. Их шаги были размеренны, улыбки выверены, словно отточенные жесты на сцене.

– Ваше сиятельство, – произнёс высокий аристократ с гладко зачёсанными волосами, изогнувшись в поклоне. – Для нас огромная честь присутствовать на таком событии. Юный господин... – он перевёл взгляд на меня, и в его глазах скользнула тень оценки, холодной и колкой. – Признаюсь, весь зал обсуждает вашу... примечательность.

Я слегка склонил голову, вспомнив уроки этикета. Улыбка, ни тёплая, ни холодная – нейтральная. Такой щит вежливости не хуже клинка.

Дама в золотом платье шагнула ближе, её духи ударили в нос сладкой горечью.

– Какая статья! – воскликнула она напевно. – Вы словно сошли с портрета великих предков. Уверена, император будет в восторге от знакомства с вами.

Император. Слово прозвучало слишком громко, будто стукнуло в сердце. Я заметил, как рыжая прядь в её тщательно уложенной причёске дрогнула – дама наслаждалась тем, что сказала.

Второй мужчина, полный, с круглым лицом и перстнями на каждом пальце, усмехнулся, покачав бокал:

– Ах, молодость... помню, и я свой первый бал. Хотя, признаться, не каждый в вашем возрасте умеет держаться так прямо. – Его взгляд скользнул вниз, оценивая каждый стежок моего камзола, и уголки губ дёрнулись в почти незаметной усмешке.

Я ощутил, как внутри всё сжалось. За каждым «комплиментом» таилась проверка на прочность.

Я снова слегка поклонился.

– Благодарю за тёплые слова, – произнёс ровно, сохраняя голос без дрожи.

Они обменялись колкими взглядами – будто неудовлетворенные тем, что мой ответ не дал им повода создать сплетни о юном наследнике.

Троица с натянутыми улыбками удалилась, растворившись в толпе, оставив после себя запах чужих духов и неприятное послевкусие фальшивых слов. Я позволил себе короткий вдох, но тут же заметил новых гостей, приближающихся к нам.

Впереди шла женщина с чёрными как смоль волосами, собранными в высокую причёску. Её платье из тёмного атласа переливалось едва заметным блеском, будто ткань впитывала свет. Черты её лица были строгими, движения – выверенными, и казалось, что она видит всё вокруг, даже не поворачивая головы.

Рядом шагала мужчина с ярко алой копной коротких кудрей, и камзоле алого цвета, расшитым золотом. На груди у него сиял герб – пересекающиеся молоты и пламя, символ Красных кузней, богатейшего рода ремесленников Империи. Его плечи были широки, шаг уверенный, будто он чувствовал себя здесь хозяином.

Но мой взгляд остановился не на нём, и даже не на женщине. Чуть позади них шла девочка. Едва тринадцать лет – но её невозможно было не заметить. Длинные, густые кудри, алые, как только что сорванные розы, спадали на плечи, переливаясь в свете люстр. Кожа – светлая, почти прозрачная, глаза – глубокие, цвета лавы. На ней было белоснежное платье, лёгкое и струящееся, словно сотканное из утреннего тумана. Шёлковая ткань переливалась мягким сиянием при каждом её шаге. Узкий корсаж был украшен тонкой вышивкой серебряных нитей в виде виноградных лоз, которые словно обвивали её фигуру. Юбка спадала мягкими волнами до пола, и казалось, что она не идёт, а скользит по мрамору, едва касаясь его. На запястье сверкал тонкий браслет с крохотным рубином – маленький огонь на фоне белизны.

Она шагала легко, но в её походке было что-то... зрелое, не по возрасту. Словно тень предков стояла за её спиной.

Передо мной была она. Та самая Алая Роза, которую меня заставляли искать. Мир вокруг будто померк на миг, звуки бала отдалились, и я видел лишь её – дитя, которое уставилось на меня гордым взглядом. Надеюсь, она не узнала меня. Когда наши взгляды пересеклись, я понял. Холодок пробежал по позвоночнику. Система, её загадочные окна, её странные приказы... всё сложилось воедино.

Они приблизились, и вежливые поклоны слились с шумом зала.

Женщина с чёрными, словно ночное небо, волосами первой склонила голову.

– Дом Кальвос приносит почтение дому Розарин, – произнесла она негромко, голос её был строгим и сухим, как удар колокола.

Мужчина с алой копной добавил, расправив плечи и слегка коснувшись груди рукой:

– Граф Доррен Кальвос, глава Красных кузней. Рад видеть вас вновь. Юный герцог, – обратился он уже ко мне, – Поздравляем вас с дебютом в высшем обществе и днем рождения.

Отец улыбнулся, протягивая ему руку.

– Доррен, старый друг, сколько лет прошло... и всё же ты нисколько не изменился.

Граф коротко усмехнулся и слегка склонил голову.

– В отличие от меня, твой сын изменился сильно. Он уже не ребёнок.

Но, прежде чем я успел ответить, вперёд шагнула девочка. Её алые кудри заструились по плечам, глаза вспыхнули живым блеском. Она склонила голову чуть набок, её движения были одновременно детскими и удивительно грациозными.

– Амелия Кальвос приветствует герцогскую семью Розарин, – представилась она мягким, мелодичным голосом.

Граф положил ей ладонь на плечо, и в его суровом лице на миг мелькнула гордость.

– Моя дочь, – сказал он чуть теплее. – Надеюсь, вы простите нам ее дебют сегодня.

Альбери кивнул, в глазах блеснула ностальгия.

– Для меня это также честь, Доррен. Наши дети сегодня вошли в высшее общество.

Сириса, склонилась к Амелии, улыбнувшись:

– Какая красавица. Не удивлюсь, если через несколько лет вся столица будет говорить только о ней.

Амелия же, не отвлекаясь, продолжала смотреть прямо на меня. Я поймал себя на том, что не могу отвести глаз. «Алая Роза...» – холодком пронеслось в голове.

Когда обмен любезностями слегка стих, мать вдруг шагнула ближе. Её голос прозвучал мягко, но в нём сквозила привычная властность хозяйки дома:

– Леди Мария... – Сириса на миг задержала взгляд на темноволосой женщине. – Если вы не возражаете, у нас есть дело, которое нужно обсудить. Давайте пройдем в комнату отдыха для гостей.

Женщина с чёрными волосами, до этого державшаяся холодно и сдержанно, слегка склонила голову.

– Конечно, леди Сириса. Я тоже хотела поговорить с вами.

Её звали Леди Мария Кальвос – имя звучало резко, словно удар клинка, и подходило к её облику. Сириса, положив лёгкую руку ей на локоть, кивнула мужу и всем присутствующим.

– Прошу прощения, вынуждены ненадолго оставить вас, – произнесла она ровно и сдержанно.

Они вдвоем вышли из зала, оставив позади золотой свет люстр и музыку, и вскоре растворились за дверями, ведущими к тихим гостевым покоям. Я же заметил, как Амелия проводила мать взглядом, но её внимание снова вернулось ко мне. Что не так с этой девчонкой? Узнала меня и хочет всем рассказать о нашей встрече?

Музыка внезапно смолкла, будто кто-то перерезал её тонкой нитью. В центре зала появился дворецкий, старый и строгий, его голос гулко разнесся под сводами:

– Его Величество Император Лориан Четвёртый и Её Величество Императрица Селеста, прибыли!

Все разговоры оборвались. Толпа словно по команде склонила головы. Слуги прижались к стенам, гости выстроились полукругом. Воздух стал густым, ожидание давило на грудь.

Тяжёлые двери зала распахнулись, и в свет люстр вошли они.

Император Лориан был высок, его плечи – прямые, движения – медленные, но полные внутренней силы. Волосы, цвета бледно-розового жемчуга, спадали на виски, сияя в свете огней.

Его бело-золотое одеяние переливалось на каждом шаге: длинный плащ, расшитый тонкими узорами солнечных лучей, и корона, простая, но тяжёлая, словно сама власть.

Рядом с ним шла Императрица Селеста – утончённая, грациозная, её нежно-розовые локоны были собраны в сложный высокий узел, украшенный тонкими золотыми цепочками и драгоценными камнями. На ней было платье из белоснежного шелка, каждая складка которого переливалась золотистым сиянием. Шлейф тянулся за ней, словно след света. В её глазах – спокойствие и мягкость, но за ними угадывалась твёрдость той, кто разделяет трон. Они двигались медленно, величественно, и весь зал будто растворился перед ними, отдавая дорогу.

Я почувствовал, как сердце ударилось сильнее. Лёгкий холод пробежал по коже. Вот он, мой дядя. Тот, чьё слово способно изменить судьбу всей империи.

Гости опустили в поклонах почти до земли. Женщины, как по команде, прижали ладони к груди, мужчины склонили головы. Слуги и музыканты затаили дыхание, в зале воцарилась тишина, в которой слышны были лишь шаги величественной четы.

Я видел, как в глазах аристократов скользнуло всё сразу – благоговение, зависть, любопытство, даже скрытый страх. Для них каждое появление императора было напоминанием: над их богатством и титулами всегда стоит одна воля – его.

Отец слегка тронул меня за плечо.

– Идём, – произнёс он тихо.

Сирисы рядом не было – она всё ещё беседовала с Марией. Поэтому мы вдвоем – отец и я – двинулись вперёд по ковру. Отец остановился первым, поклонившись низко, почти до пояса. И я тоже последовал его примеру.

– Ваше Величество, – произнёс он торжественно. – Для нашей семьи великая честь принимать вас сегодня в нашем доме. Этот вечер посвящён дню рождения моего сына и по совместительству вашего племянника.

Император на миг остановил на нём свой взгляд. Розоватые глаза, словно бездна, не выражали ни радости, ни гнева. Затем он перевёл взгляд на меня. Внутри всё похолодело. Казалось, в эти несколько секунд его глаза прожигают до самой души.

Императрица Селеста шагнула чуть ближе, её взгляд был мягче. Она улыбнулась, и голос её прозвучал звонко, разрядив напряжение:

– Четырнадцать лет – особая дата. Мы рады разделить этот день вместе с семьёй Розарин.

Зал зашумел одобрением, и музыка вновь заиграла где-то в глубине. Но я всё ещё чувствовал, как сердце бьётся чаще, чем следовало.

Император и императрица, обменявшись формальными приветствиями с собравшимися, позволили себя проводить на возвышение, где у стены стояли широкие диваны, обтянутые тёмно-зелёным бархатом.

Император сел первым, тяжело, будто вбивая себя в подушки, и какое-то время сидел молча, оглядывая зал. Напряжение от его присутствия всё ещё висело в воздухе. Я не знал, чего ожидать, но присел рядом. Его молчание напоминало натянутую тетиву – вот-вот сорвётся.

И тут вдруг Лориан резко развернулся ко мне. Лёд в его взгляде сменился неожиданной, почти театральной теплотой. Он вытянул руки, ухватил меня за плечи и потянул ближе.

– Ах, вот он! – воскликнул он с таким умилением, что несколько гостей внизу едва не уронили бокалы. – Наш именинник! Какой великолепный ребёнок вырос! Посмотрите только на него!

Он сжал меня в объятиях, прижимая так крепко, что у меня перехватило дыхание. Его руки, тяжёлые и властные, вовсе не напоминали ласку – скорее железные тиски. Но на лице императора сияла улыбка, а голос звучал громко и восторженно.

Императрица Селеста звонко рассмеялась, прикрывая губы кончиками тонких пальцев. Её смех был лёгким, словно серебряный колокольчик, и казалось, она вовсе не замечала, что объятия ее мужа походили больше на смертельную хватку.

Альбери, стоявший рядом, только покачал головой, позволив себе короткую, сухую усмешку.

– Видите, – сказал он, обращаясь к императрице. – Император уже никогда не изменится.

Я же сидел неподвижно, позволяя императору демонстрировать свою «нежность», но внутри сердце колотилось, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Внизу, у подножия возвышения, зал буквально зашумел. Гости перешёптывались, украдкой бросая взгляды на нас. Одни – с облегчением: раз император столь милостив к хозяевам дома, значит, праздник пройдёт без грозы. Другие – с завистью, почти злобной: ведь не каждому выпадала честь видеть его величество Лориана в столь «добром» расположении духа.

Некоторые дамы в пышных платьях прижимали к груди веера, пряча под ними улыбки. Молодые аристократы, переглянувшись, едва сдерживали смешки – сцена, где император тискает подростка с умилением, выглядела почти фарсом. Но никто не смел даже пошевелиться громче, чем позволял этикет.

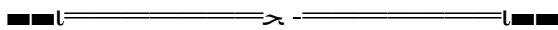
Музыканты, словно получив сигнал, усилили мелодию, чтобы заглушить ропот толпы. Но взгляды всё равно жгли, будто сотни свечей направили свой огонь прямо на меня. Император тем временем, не обращая внимания ни на кого, похлопал меня по плечу так сильно, что я едва не отдал богам душу.

– Настоящий юный господин! – продолжал он, будто нарочно повышая голос. – С таким наследником семья Розарин может быть спокойна за будущее.

Императрица Селеста снова засмеялась – её смех был как лёгкий хрусталь, но на миг я уловил в её глазах блеск, словно во дворце ей не хватало этого веселья.

Отец тихо хмыкнул, будто всё происходящее не более чем спектакль, который он видел десятки раз.

– Ваше величество, отцепитесь уже от моего сына, – пробормотал он с едва заметной иронией.

Тем временем, в одной из гостевых комнат, где царил тишина, лишь слегка разбавляемая звуками музыки из зала, две женщины сидели на низком диванчике, обтянутом мягким серебристым бархатом. Высокие окна скрывали тяжёлые шторы, и лишь свет свечей на резных канделябрах придавал обстановке уюта.

Сириса сидела прямо, её спина будто отточена годами придворных привычек. Тонкие пальцы, украшенные кольцами, покоились на коленях, взгляд же был мягким, но при этом сосредоточенным.

Мария Кальвос – темноволосая леди с холодной красотой – слегка откинулась назад. Казалось, она уже знала, что разговор не будет простым, но всё же предпочитала сначала выслушать.

– Леди Мария, – начала Сириса ровным голосом, без лишних предисловий. – Я хотела обсудить с вами одно дело, которое касается наших детей.

Мария чуть приподняла бровь, в её тёмных глазах мелькнул интерес.

– Слушаю вас.

Сириса на миг задержала взгляд на пламени свечи, будто подбирая слова.

– Амелия и Кай... Они почти ровесники. Я давно думаю о том, что союз наших домов был бы выгоден и надёжен. Сегодняшний бал только подтверждает – время идёт, и будущее приближается быстрее, чем нам кажется.

Она повернулась к Марии, её голос стал мягче, почти доверительным:

– Я хотела бы обсудить возможность помолвки между ними.

Слова повисли в воздухе, будто горькое вино, которое нужно было осмыслить прежде, чем вкусить.

Мария не ответила сразу. Её тонкие губы изогнулись в лёгкой, едва заметной улыбке. Она сложила руки, переплетя пальцы, и, чуть склонив голову, сказала:

– Признаться, ваши слова не стали для меня неожиданностью. Но, леди Сириса, вы уверены, что ваш сын готов к столь серьёзному шагу?

Сириса чуть улыбнулась, но в её глазах скользнула тень решительности.

– Готовность к браку не всегда измеряется возрастом, леди Мария, – произнесла она тихо, но уверенно. – Мой сын слишком многое пережил для своих лет. Взгляните на него внимательнее: он держится не как мальчик, а как юный господин. В его взгляде – решимость, в словах – рассудок. Это не ребёнок, которого нужно опекать, а наследник, который будет вести наш дом в будущее.

Она слегка подалась вперёд, тонкие пальцы скользнули по складкам платья, поправляя их машинально.

– И всё же, – продолжила Сириса, – брак не только про зрелость. Он про союз. Наши семьи связаны дружбой много лет. Альбери всегда высоко ценил вашего супруга и доверял ему как брату. Думаю, этот союз укрепит не только наши дома, но и позиции обоих родов в обществе.

Мария вслушивалась внимательно, и хоть её лицо оставалось спокойным, в глазах мелькнула задумчивая искра.

Сириса позволила себе лёгкую улыбку:

– Но и сердце здесь имеет значение. Я видела, как Кай смотрел на Амелию. Его взгляд не был равнодушным. Он, возможно, ещё сам не понял, что влечёт его, но такие вещи редко бывают случайны.

Мария медленно скрестила руки на коленях, изящный жест, полный невысказанной власти.

– Леди Сириса... Вы говорите убедительно, как и всегда. Но Амелия всё ещё ребёнок, и я не уверена, что её юное сердце готово к решению, которое определит её судьбу.

– Потому я и говорю не о свадьбе, – мягко перебила Сириса. – А о помолвке. Пусть дети растут, узнают друг друга, привыкают к мысли, что их будущее связано. Это даст им время.

Мария на миг задумалась, взгляд её смягчился.

– Хм... Возможно, вы правы.

Сириса умолкла, давая Марии время обдумать её слова. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь приглушёнными звуками музыки, доносившимися из бального зала.

В этот момент лёгкий скрип пола у двери едва коснулся слуха. Мария заметила его первой – её взгляд метнулся к тени в проёме. Сириса чуть прищурилась и, не меняя позы, произнесла:

– Юная леди Амелия?

Дверь распахнулась не до конца, и в проём робко заглянула девочка. Алые кудри мягко упали на плечо, глаза – блестели от любопытства и лёгкого смущения.

– Простите... – её голос прозвучал негромко, но чисто. – Я не хотела подслушивать...

Мария слегка нахмурилась, но в её взгляде не было суровости.

– Доченька, сколько раз я говорила тебе, что неприлично подслушивать разговоры взрослых? Простите леди Сириса, Амелия порой такая непоседа.

– Я просто... – Амелия закусил губу, будто подбирая слова. – Услышала своё имя...

Сириса, напротив, мягко улыбнулась.

– Значит, ты успела услышать часть разговора.

Девочка смутилась, но, сделав шаг вперёд, не отвела взгляда.

– Если вы говорили обо мне и юном господине Кае... то я не против.

Мария удивлённо вскинула брови, но Амелия продолжила:

– Он... другой. Не похож на прочих юных господ, которых я встречала. Когда он посмотрел на меня в зале... я поняла это сразу.

Сириса обменялась взглядом с Марией. На её лице не было ни торжества, ни насмешки – лишь спокойная уверенность женщины, чьи слова только что получили подтверждение.

Мария долго смотрела на Амелию, и в её взгляде отражалось многое: и материнская забота, и удивление, и осторожность. Девочка стояла прямо, хоть и прятала руки за спиной, словно опасалась, что мать осудит её за дерзость.

Наконец Мария тяжело выдохнула и чуть покачала головой.

– Ты слишком юна, чтобы говорить подобные слова с такой уверенностью, – произнесла она. – Но... я вижу, что в этом нет каприза.

Амелия вспыхнула румянцем, но взгляд её остался твёрдым. Мария перевела глаза на Сирису, и на губах её появилась сдержанная, чуть ироничная улыбка.

– Леди Сириса, кажется, судьба сама решила вмешаться в наш разговор.

Сириса спокойно кивнула, её тонкие пальцы скользнули по бархатной ткани дивана.

– Значит, вы не возражаете?

– Я не возражаю, – ответила Мария после короткой паузы. – Но и спешить не стану. Пусть это будет лишь помолвка – обещание, а не цепи. Время покажет, куда приведут их сердца.

Амелия едва заметно улыбнулась и склонила голову, будто соглашаясь. Сириса же, сохраняя сдержанное достоинство, сказала:

– Этого достаточно. Первый шаг, самый важный.

Тишина, последовавшая за её словами, казалась наполненной значением. За стенами продолжала звучать музыка бала, но в этой комнате решалась судьба двух детей, и каждая из женщин прекрасно это понимала.

Дверь в гостевую комнату приоткрылась неслышно, но обе женщины и Амелия сразу подняли головы. На пороге появилась Фаринн. Она держала в руках поднос с серебряным чайником, словно прикрываясь им, но по глазам было видно – пришла она совсем не с угощением.

Склонив голову, горничная произнесла тихо:

– Прошу прощения за вмешательство, госпожа. Но мне велено передать – император и императрица уже прибыли. Бал начался, и его величество просит вас прийти.

Мария и Сириса обменялись взглядами, полными негласного понимания. Их разговор был прерван в самый важный момент, но продолжение теперь откладывалось.

Сириса медленно поднялась с дивана, движения её оставались плавными и собранными, хотя в глазах мелькнула тень лёгкого раздражения.

– Благодарю, Фаринн. Мы сейчас же присоединимся к остальным.

Мария встала вслед за ней, её пальцы коснулись плеча дочери – едва ощутимо, но в этом жесте читалась и поддержка, и требование держаться с достоинством.

– Тогда пойдём, – тихо сказала она.

Втроем они покинули комнату, и музыка бала снова встретила их с порога – весёлая, яркая, слишком контрастная с теми серьёзными словами, что только что звучали между ними.

Глава 9

Кай.

Музыка текла по залу, лёгкая и блестящая, как нити серебра. Люди кружились в танце, смех отражался от мраморных стен, золотые люстры рассыпали сотни бликов по полу. Всё это казалось чужим и далёким. Для меня танец был всегда лишь глупым занятием аристократов.

Амелия стояла чуть в стороне, словно сама не верила, что принадлежит этому блеску. Она вздрогнула, когда я остановился перед ней.

– Леди Амелия, – произнёс я ровно, но голос мой прозвучал мягче, чем обычно. – Позвольте пригласить вас на танец.

Алые локоны дрогнули, когда она опустила взгляд. Щёки её мгновенно окрасились румянцем – и я поймал себя на том, что смотрю на это дольше, чем позволительно этикетом.

Вспомнил нашу первую встречу на улице. Тогда её шаги были быстрыми, настороженными, взгляд – острым, словно она готова обороняться при малейшей угрозе. В ней не было ни тени слабости, лишь упрямое желание держать дистанцию. А сейчас... передо мной стояла совсем другая Амелия – смущенная, ранимая, робкая, будто светлый цветок, внезапно оказавшийся в самом центре праздника.

– Я... – она подняла на меня глаза, и в лавовом свете их проскользнула робкая решимость, – я согласна.

Её пальцы легли в мою ладонь. Хрупкие, тёплые, дрожащие. Это прикосновение пробило лёд, в котором я привык жить.

Музыка подхватила нас сразу, как только я повёл её в центр зала. Люди расступались, улыбались, шептались, но я видел только её – хрупкую фигуру в белоснежном платье, алые локоны, дрожащие в такт шагам.

Я положил ладонь ей на талию. Она вздрогнула, словно от искры, но не отстранилась. Взгляд девушки поднялся ко мне – глаза цвета лавы, и в них отражался свет люстр. В этих глазах было всё: и робость, и смущение, и что-то ещё... доверие, от которого стало не по себе.

Мы сделали первый шаг. Я двигался так, как привык – точно, выверенно. Танец напоминал мне бой: шаг вперёд – атака, шаг назад – уход в тень, поворот – ускользание. Только здесь моя цель была иной. Удержать её в этом ритме, не дать упасть, не дать потеряться в блеске и шепоте зала, все так, как учила меня главная горничная.

Амелия сперва путалась в движениях, неловко задевая подол платья, но её пальцы всё крепче цеплялись за мою ладонь. Я чувствовал, как она старается, как борется с собой. На улице она смотрела на меня достаточно угрожающе, необычная леди. Или она все же не узнала меня?

Музыка ускорила. Я сделал резкий поворот, увлекая её за собой. Белое платье закружилось, алые кудри вспыхнули, как пламя, и она рассмеялась – тихо, невольно. Смех – неподготовленный, искренний. Я не помнил, когда в последний раз слышал такой звук рядом с собой.

Моё дыхание было ровным, её – сбивчивым, быстрым. Я держал её руку чуть дольше, чем требовал этикет, и заметил, как румянец расплзается по её щекам до самых ушей.

– Вы танцуете лучше, чем я ожидала, – прошептала Амелия, стараясь не встретиться со мной взглядом.

– Вы... – я слегка сжал её ладонь, – тоже.

Она подняла глаза – и я понял, что сказал больше, чем следовало. Но она не обиделась. Лишь улыбнулась робко, словно радуясь, что её заметили по-настоящему.

Мелодия стихла окончательно, и зал взорвался аплодисментами. Другие пары уже смеялись друг друга, но я не спешил отпустить её руку. Амелия смутилась ещё сильнее, отводя взгляд, словно каждый луч люстры был слишком ярким.

– Пойдём, – тихо сказал я, и, не дожидаясь её ответа, повёл к выходу из зала.

Мы оказались в коридоре, где свет был мягче, а шум бала глушился стенами. Здесь, среди мрамора и гобеленов, тени были ближе и роднее мне, чем весь этот блеск. Она шла рядом, чуть прижимая свободную руку к груди, будто сердце билось слишком сильно.

– Кай... – её голос прозвучал едва слышно, – зачем вы пригласили меня?

Я остановился, повернулся к ней. Алые кудри переливались в полумраке, глаза горели сильнее свечей на стенах. Она смотрела прямо, но в этом взгляде пряталась неуверенность.

– Потому что хотел, – ответил я коротко.

Она замерла, будто не ожидала такого простого ответа.

– На улице... – её голос дрогнул, где-то вдали послышался странный шорох. – Можем выйти на балкон и поговорить там?

– Я тоже хотел предложить это вам, – сказал я и сделал шаг ближе.

Её губы дрогнули, словно она хотела сказать что-то еще, но остановилась.

Мы всё ещё держались за руки, когда вернулись в зал. Музыка звучала ярче, смех и шелест платьев снова накрыли нас волной, но теперь я воспринимал всё это иначе. Единственным настоящим оставалась её ладонь в моей.

Я повёл Амелию сквозь толпу гостей, и ни один из них не посмел остановить нас. Их взгляды скользили по нам, но не задерживались – слишком явным был знак того, что мы вдвоём.

В конце зала находилась небольшая арка, ведущая на узкий балкон. Мы вышли туда, и за спиной сразу смолкли сотни голосов – их заглушили стены. Здесь царил тишина, нарушаемая лишь далёкой мелодией и ночным воздухом, наполненным ароматом роз из сада.

Я закрыл за нами двери и задвинул тяжёлые бархатные шторы. По этикету это значило одно: никто не должен беспокоить.

Амелия слегка замерла, но не отступила. Алые кудри блеснули в свете луны, падающем с небес, глаза сверкнули сильнее, чем любые огни зала. Её дыхание стало чаще, и я почувствовал, как её пальцы дрожат в моей ладони – но она не убрала руку.

– Теперь мы одни, – произнёс я тихо.

Её взгляд метнулся к дверям, потом ко мне. Сделал шаг ближе, готовый удержать её руку, но вдруг её лицо изменилось. Румянец исчез, улыбка погасла – и вместо смущённой девушки, что только что краснела в танце, передо мной стояла совсем другая Амелия. В глазах цвета лавы вспыхнул жёсткий огонь, волосы, словно языки пламени, зашевелились от её резкого движения.

Я протянул руку, но не успел коснуться – звонкий удар рассёк воздух. Её ладонь хлестнула по моему лицу, так же резко, как в тот раз, на улице.

Тело замерло. Щека горела, но сильнее жгло другое – внезапная перемена.

– Зачем ты тогда шёл за мной? – её голос был холодным, язвительным, в нём не осталось ни тени той робости, что я видел мгновение назад. – Зачем преследовал?

Я смотрел на неё, не скрывая удивления. Она сделала шаг вперёд, и серебряная вышивка на её платье сверкнула, будто змеиные лозы обвили фигуру.

– Скажи, – её голос стал ещё жёстче, – как много ты видел? И кому уже успел рассказать?

Я был ошарашен. Всего несколько мгновений назад она робко принимала мою руку, доверяла мне в танце. А теперь – словно сбросила маску и явила свою истинную сторону. Я не знаю, что сильнее поражало меня: её резкая перемена или то, что этот удар разбудил во мне воспоминания о старой жизни, когда доверие всегда оказывалось иллюзией.

Её глаза прожигали меня, словно она хотела вырвать ответ силой. Я уже собирался что-то сказать, но в тот миг перед глазами вспыхнуло знакомое голубоватое свечение.

[Богиня Лирианта предупреждает вас: ваша невеста в опасности]

[Цель: Спасти ее]

[Время до наказания – 4 дня]

Я моргнул, но окно Системы не исчезало. Слова горели в воздухе, будто высеченные в стекле. «Невеста»?.. Холодок прошёл по коже. Какая ещё невеста? Я не понимал. Это шутка богов? Ошибка? И кто такая эта Лирианта? Куда подевался, мой дорогой бог Хаоса? Еще и с наказанием! Да вы все чокнутые, когда-нибудь я найду вас и лично прикончу.

Я перевёл взгляд на Амелию. Она всё ещё стояла передо мной – язвительная, холодная, с горящими глазами. Невольно шагнул назад, сбитый с толку. Система никогда не ошибалась раньше. Но я понятия не имел, что значит этот приказ... и кого именно я должен «спасти».

– Невеста? – выдохнул я почти шёпотом, не замечая, что произнёс это вслух.

Лицо Амелии дёрнулось, на мгновение в её взгляде мелькнуло что-то непонятное – смесь растерянности и гнева.

– Что ты сказал? – её голос стал низким и опасным.

Окно погасло так же резко, как и вспыхнуло. Но слова остались, свербя в голове: «Время до наказания четыре дня». Да, это расстраивало меня больше, чем должно было.

Двери балкончика распахнулись с таким грохотом, что тяжёлые шторы дрогнули. В проёме стояла императрица. Высокая, величественная, словно сама ночь уступила ей место. Её глаза цвета турмалина, – метнулись сначала к Амелии, но уже в следующую секунду остановились на мне.

Я почувствовал, как её взгляд пронзил меня насквозь. Моя щека жгла, покрасневшая от недавнего удара, и я понял – это первое, что она увидела. В её лице, привычно нежном и милосердном, что-то дрогнуло. Морщина ярости прорезала брови, в глазах мелькнула искра – смесь боли и гнева.

– Кай... – её голос сорвался. В нём была тревога, боль женщины, что увидела пострадавшего близкого. Но уже в следующем слове эта нота исчезла, уступив место стали. – Кто посмел ударить наследника герцогского дома и члена императорской семьи?

Тишина висела тяжелее камня. Я ещё не успел ответить, когда императрица резко повернулась к Амелии.

– Ты? – её голос хлестнул, как кнут. – Осмелилась поднять руку на моего племянника? Амелия вспыхнула, слезы хлынули градом.

– Стража! – императрица произнесла это слово так, будто само пространство подчиняется её воле.

Тяжёлые шаги отозвались мгновенно. В балкон вломились стражники в золочёных наплечниках. Их присутствие наполнило тесное пространство холодной силой.

Императрица подняла руку, и её палец указал прямо на Амелию.

– Уведите эту грубиянку. Заключите под стражу в императорском дворце. Я лично ей займусь.

А тетя-то у меня не промах, столько власти я не ожидал увидеть в этой нежной женщине. Её голос был ровным, но я видел, как дрожат её пальцы, сжатые в кулак. Она всё ещё смотрела на мою щёку, и в этом взгляде смешались две силы: ярость императрицы и тревога женщины, которая боится потерять то малое, что осталось от её семьи.

Стражники схватили Амелию за руки. Она сопротивлялась, изогнувшись, как дикое пламя, но её движения были тщетны. Лавовые глаза метнули в меня последний взгляд – смесь ненависти и... отчаяния?

И в этот миг Система вспыхнула снова, словно издеваясь:

[Богиня Лирианта предупреждает вас: ваша невеста в опасности]

[Цель: Спасти ее]

[Время до наказания – 4 дня]

Я сжал кулаки, но не двинулся. Императрица стояла рядом, и её рука невольно коснулась моего плеча – осторожно, почти матерински.

– Я не позволю, чтобы кто-то нарушал порядок, – сказала она тихо, и её голос дрогнул.

Стража уже тянула Амелию к выходу, когда шум на балконе привлек внимание. Шторы не успели скрыть происходящее, и к распахнутым дверям начали стекаться зеваки. Их лица, полные любопытства, жадно ловили каждую деталь: покрасневшая от удара моя щека, горькие слезы Амелии, холодная ярость императрицы. Шёпот прокатился по залу, как рябь по воде:

– Она ударила его?

– Это же наследник...

– Эта девчонка сошла с ума...

Я сжал зубы. Сцены, подобные этой, я привык видеть в грязных переулках Мюреля, где толпа смакует чужую боль. Но здесь – в сердце Империи Солнечных Роз – взгляды были не менее жадными.

Среди гостей появились мои родители.

Отец шагал первым – высокий, прямой, как клинок, глаза цвета расплавленного золота метнулись сразу на меня. Его лицо оставалось спокойным. Мать – словно белоснежный свет – подбежала быстрее. Её золотые глаза наполнились ужасом, когда она увидела красный след на моем лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.